Бикфордов час

Автор:
Сергей Самаров

Бикфордов час

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Старший лейтенант ГРУ Валентин Наскоков – родом из Донбасса. Поэтому руководство Главного разведывательного управления поручает именно его группе найти и уничтожить действующую на территории ДНР тайную лабораторию по производству боевых отравляющих веществ для нужд украинских неонацистов. Российским спецслужбам известно, что деятельность лаборатории финансируется «Исламским государством», а непосредственно работами по производству взрывчатки руководят экстремисты из Саудовской Аравии. Но пробиться в указанный район не так-то просто – на пути спецназовцев бесчисленные кордоны бандеровцев. Чтобы выполнить поставленную задачу, Наскокову приходится применять не только боевые навыки, но и военную хитрость.

Сергей Самаров

Бикфордов час

© Самаров С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

Операция была простейшей. Из тех, что не требуют особых навыков в подготовке. Просто не оказалось под рукой у штаба антитеррористического комитета Дагестана ни полицейского спецназа, ни спецназа ФСБ, ни спецназа внутренних войск, которые на таких делах и специализируются, хорошо натасканы, и потому на «дело» послали спецназ ГРУ, отдельный сводный отряд которого стоял неподалеку, в расположении батальона мотопехоты. Еще, по сути дела, не стоял, а только прибыл, и начал устраиваться после того, как убыли к месту постоянной дислокации подразделения другого сводного отряда. Были в антитеррористическом штабе высказывания, что это действие по сути своей – стрельба по воробьям высокоточными ракетами. Но, в самом-то деле, не мотострелков же посылать!

Обычно спецназ ГРУ использовался в более серьезных антитеррористических мероприятиях, и, как правило, за пределами жилых кварталов, где есть возможность проявить свою полевую выучку. Но наша выучка охватывает разные уровни боя, и в городских условиях воевать нас тоже учат, хотя там нам развернуться во всю мощь, случается, невозможно. Но вообще-то подобная операция – узкая специализация спецназа внутренних войск, спецназа ФСБ или спецназа полиции. Но приказ обсуждать в армии не полагается. Командир сводного отряда послал на операцию только мой взвод, посчитав, что этого даже больше чем достаточно. Дел-то – на час работы… От того же батальона мотопехоты в усиление взводу была выделена боевая машина пехоты, поскольку наша родная бронетехника застряла где-то на железной дороге, хотя была отправлена загодя, а мы прибыли к месту дислокации раньше – военно-транспортными вертолетами летели. И задача была поставлена почти смешная. В жилом доме частного сектора засело пятеро бандитов. Девять полицейских дом окружили и не позволяли бандитам скрыться. Десятого полицейского бандиты подстрелили. Но на штурм остальные полицейские идти не решались. Это были простые сотрудники местной патрульно-постовой службы, не обученные вести боевые действия. К счастью, никаких заложников, что обычно усложняет ситуацию, бандиты не захватили. Кроме них, в доме вообще никого не было. Требовалось полицейских сменить и бандитов уничтожить. Пленных, естественно, рекомендовалось не брать. И желательно, как попросили, а не приказали напрямую, действовать предельно аккуратно и не допустить в доме пожара. Поскольку рядом – всего-то в метре от дома – расположены деревянные дворовые постройки, которые от пожара тоже загорятся, и огонь обязательно перекинется на дворовые постройки соседнего двора, а оттуда, с большой

вероятностью, и на соседний дом. Сложность состояла в том, что по стене соседнего дома, обращенной в сторону хозяйственных построек и соседей, проходила труба газификации, которая при пожаре могла бы и взорваться. И вообще допустить пожар в этом, соседнем, доме было, как нам сказали, нельзя. Об этом командиру сводного отряда в ФСБ конкретно повторили трижды. Кому дом принадлежал, бойцам спецназа ГРУ не сообщили. Просто предупредили, чтобы не допустили пожара и по возможности не стреляли в ту сторону, и все. Но дом принадлежал, видимо, человеку не бедному и солидному, и местной властью основательно уважаемому. Или даже саму местную власть олицетворяющему. Так можно было подумать, судя по дому. Я лично такие только на фотографиях в Интернете видел. Голливудские звезды в похожих живут. В подражание, наверное, построен.

Я со взводом не стал ждать, когда нам подадут грузовик. Расстояние от ворот воинской части до места происшествия, как говорила планкарта поселка, около пяти километров. Для нас это пустяк. Солдаты даже промокнуть от пота не успеют, тем более погода стояла прохладная, предзимняя, хотя и бесснежная. Мы побежали строем. Я сделал знак механику-водителю БМП, чтобы следовал за нами. Он один был в машине и ехал с откинутым назад передним люком[1 - Люк механика-водителя в БМП-3 откидывается назад, чтобы давать возможность визуального обзора взамен устроенных на люке четырех перископов, тогда как люк командира и башенный люк оператора-наводчика, точно так же, как люки пары десантников, сидящих по бокам механика-водителя, и управляющих курсовыми пулеметами, откидываются вперед и фиксируются в стоячем положении – дополнительная защита от пуль. Десантное отделение имеет задние сдвоенные распашные дверцы и верхние люки, также открывающиеся вперед.]. Нам пытались навязать еще и оператора-наводчика, но я отказался, поскольку любой мой командир отделения, да и большинство солдат тоже были в состоянии исполнять эти обязанности почти профессионально. Можно было бы, конечно, поместить в машину часть взвода, но у нас как-то было так принято, что трудности делились на всех, а как иначе выделить одиннадцать человек, которые могут поместиться на место командира БМП, на место оператора-наводчика и на места десанта? Одних посадишь, другим будет не то чтобы обидно, но как-то не по себе. Это будет нарушать сложившиеся во взводе отношения между солдатами. А я этого не желал. И потому всех погнал бегом, и сам возглавил колонну. Я тоже не пожелал ехать под прикрытием брони, хотя командира за это никто не осудил бы. Да и расстояние было такое, что забираться в БМП и выбираться из нее дольше, пожалуй, чем добежать. Да и бег, когда знаешь, что тебя впереди ждет, дает настрой. Сразу вписываешься в контуры боя. Особенно если услышишь стрельбу с расстояния.

А стрельбу мы услышали за несколько кварталов. Правда, кварталы в частном секторе были небольшими. Между поперечными улицами обычно располагалось по три, реже – по четыре двора и, соответственно, дома. Заборы были одинаковыми – из красного кирпича, высотой в два с половиной метра. Так здесь, в Дагестане, принято строить. Некоторые, доводилось мне видеть, поднимают заборы и в три, и в три с половиной метра. Это, естественно, выглядело смешным с русской точки зрения. От взглядов со стороны и два с половиной метра прикроют, а от того, кто пожелает за забор проникнуть, никакой не спасет. Кому будет необходимо, тот через забор переберется без труда. И смысла в строительстве средневековых крепостей в черте поселка городского типа я не видел. Не буду даже говорить о танке, но любая БМП или бронетранспортер с легкого разгона такой забор проломит. И там, куда мы бежали, кто-то уже проломил. БМП у ментов патрульно-постовой службы не было. Не было даже БТРа, но кто-то для них постарался и свалил стену. Впрочем, это могло бы быть и следствием выстрела из гранатомета – разбираться не было ни времени, ни смысла. Но к моменту нашего прибытия по обе стороны пролома стояло по менту, прячущемуся за уцелевшим куском стены и стреляющему по окнам дома. Стреляли причем вслепую, не высовываясь за стену. А ментовские автоматы, в отличие от наших, собственного зрения не имели.

Я привычно сделал знак, забыв, что на мне сейчас шлем из параарамидной ткани[2 - Параарамидная ткань – кевлар.], а в шлем интегрирована арматура от системы коммуникации «Стрелец», входящей в оснастку «Ратник». Солдаты моего взвода привыкли воспринимать жесты как громкую команду, обучен был этому и механик-водитель БМП. Может быть, именно ему знак и предназначался, поскольку он был единственным из всех, кто оказался не охвачен нашей системой связи. Но механик-водитель все понимал и без того. И поэтому нужное действие было выполнено четко и профессионально. БМП проехала вперед и встала против пролома в стене. Сразу трое бойцов по моему знаку заняли позицию у пролома в заборе, оттеснив мента, радостно наблюдающего за нашим прибытием. И выставили за стену стволы, предварительно опустив на шлеме «наглазник». Прицел передавал на «наглазник» то, что он видел. Таким образом, моим солдатам высовываться необходимости не было. И раздавшаяся очередь из окна дома в сторону боевой машины пехоты замолкла, как только все трое моих солдат дали по прицельной очереди. В отличие от ментов они имели возможность прицеливаться, не высовываясь.

– Попали? – поправив микрофон около рта, спросил я.

– Из окна вывалился…

Значит, бандитов осталось только четверо. Взвод сразу успешно включился в бой.

Другие солдаты взвода тем временем перебежали под прикрытием БМП, специально закрывшей пролом в стене, мимо этого пролома на другую, безопасную сторону, и заняли позицию там. Так освободили от дел и второго мента.

– Нафаня! – тихо позвал я командира третьего отделения младшего сержанта контрактной службы. Это не кличка, я не люблю, когда офицеры солдат зовут по кличкам. Такое обращение допускает некоторую долю панибратства, что мне не кажется обязательным в отношении солдат и их командира. Нафаня – это фамилия младшего сержанта.

– Я! – отозвался Нафаня чрезмерно громко, и я убавил звук в своих наушниках.

– Оператором-наводчиком пошел…

Я дал команду и тут же увидел, как Нафаня сделал знак БМП. Механик-водитель уже опустил свой люк и наблюдал за происходящим или просто через «перископ», или через монитор, и знак младшего сержанта увидел. БМП сдвинулась вперед, командир отделения тут же ловко забрался на броню и нырнул в командирский люк, который ему открыли как ближний. Перебраться на место оператора-наводчика внутри машины несложно, да и необходимости нет, поскольку все функции стрелка дублируются с командирского места. Так и переговоры с механиком-водителем вести легче. Основное действие началось, как только я дал команду:

– Из двух пушек осколочными по окнам…

Боевая машина пехоты сразу «попятилась», одновременно развернулась башня, и тут сразу шесть автоматов начали «плеваться» короткими очередями. Бойцы, занявшие позицию по обе стороны пролома в заборе в три этажа с каждой стороны – в положении «лежа», «с колена» и «стоя», прицеливались через «наглазник» и били в шесть стволов хлесткими, как удары плеткой, очередями. Причем, как и полагается при таком «раскладе», с одной стороны стреляли

абсолютные правши, с другой только левши. «Наглазник» умел работать на любой глаз. А сама необходимость стрельбы для меня, даже не выглядывающего в пролом, была очевидной. Кто-то из бандитов понял, что пушка БМП сейчас начнет стрелять, и решил на опережение сделать выстрел из гранатомета.

– Готов! – сообщили солдаты, подтверждая мое мнение. – В оконном проеме повис. Гранатомет наружу выронил.

Солдаты моего взвода знают, что им делать, не дожидаясь команды.

Если бы они докладывали мне, если бы ждали моего решения, то бандит мог бы успеть сделать выстрел. С такого расстояния промахнуться из гранатомета невозможно. А боевая машина пехоты – это не танк, и броня у нее недостаточно сильная, чтобы выдержать такой удар.

– Молодцы… – похвалил я.

И тут же все шесть автоматов заговорили снова.

– Что там? – спросил я.

– Кто-то изнутри пытается снять со спины бандита «подсумок» с гранатами для «РПГ».

– Не позволять! У них, похоже, еще одна туба есть… Нафаня! Ну…

И в ответ на мой подгоняющий окрик сразу заговорили пушки. Главное орудие БМП сделало один выстрел, автоматическая пушка дала короткую проверочную очередь, за ней вторую, уже более основательную. После такого обстрела дома внутри можно было, я думаю, собрать несколько ведер осколков. В живых там остаться не мог никто. Из дома повалили дым и пыль, но открытого огня видно не было.

– Вперед! – дал я команду. – Если будет пожар, сразу потушить. Так приказали.

Взвод перебежками, под прикрытием автоматных очередей, устремился к дому. Здесь было не такое расстояние, чтобы одна группа перебежала, потом залегла

и начала прикрывать перебежку второй. Здесь первая группа сразу, без остановки, оказалась у стен, и бойцы один за другим, помогая один другому, забирались в окна. Изнутри никто не стрелял. Некому было…

Я подошел уже неторопливо. Остановился около дома, и в этот момент в метре от меня взорвалась граната в упавшем «РПГ-7». Я как раз этот гранатомет и рассматривал. Заряжен он был кумулятивной гранатой «Луч» девяносто третьего калибра. БМП, без сомнения, столкновения с такой гранатой не выдержала бы. Это было последнее, что я осознал в тот момент…

* * *

Как долго я находился без сознания, осознать сам я не мог. Граната была кумулятивной, и хотя бы в этом мне повезло. Осколочной гранатой мне просто оторвало бы ноги, не защищенные бронежилетом. Как и все, что ниже бронежилета и что порой бывает необходимым каждому мужчине. Приятного мало. А так меня только жутко швырнуло и ударило о стену взрывной волной. Мой шлем выдержал удар, а вот голова – нет. Но это я узнал уже от врача, который сидел рядом со мной, когда я на медицинской «каталке» лежал и, несмотря на жуткую боль во всем теле, и особенно в голове, сумел сообразить, что я лечу в вертолете. Я слишком много для своих молодых лет летал в вертолетах, чтобы не осознать это, чтобы не узнать характерный, слегка хлопающий звук, издаваемый то ли винтами, то ли вертолетным двигателем. Кстати, так получилось, что и в сознание я уже во второй раз возвращался в вертолете. В первый раз чуть больше года назад. Тоже с Северного Кавказа вывозили. И потому, проводя аналогию, я спросил врача:

– В Краснодар?

– В Краснодар, – подтвердил он. – Откуда знаете?

– Уже вывозили раз.

– Тоже контузия?

– Пулевое. В бедро. Пуля артерию задела, но не порвала. И потому какие-то сложности были. В Махачкале оперировать не стали. У них хорошего

специалиста не было.

– Вы разговорились. А у вас сильный ушиб черепа как раз в зоне речевой активности мозга.

– Это еще не ушиб мозга… Слава Богу…

– Тем не менее сотрясение сильнейшее. Боялись, что вы речь потеряете.

– Я вообще-то всегда немногословным был. Привык с солдатами знаками общаться.

– Я не солдат. Со мной можете говорить. Только уловите момент, когда голова уставать начинает, и тогда молчите.

Я замолчал, потому что голова у меня от разговора начала просто разваливаться на осколки. Врач сопровождения моего молчания не оценил, несмотря на свой же совет.

– Вы меня поняли?

Я опять промолчал. Тогда только и врач понял.

– Хорошо, отдыхайте. Лучше было бы вам заснуть. Из шокового состояния лучше выходить медленно. Хотите, я укол поставлю?

– Не хочу, – просто ответил я, не объясняя, что с детства терпеть не могу всякие уколы. Заснуть я всегда могу просто по приказу собственной воли. Я приказал себе, закрыл глаза, и то ли в самом деле уснул, то ли снова потерял сознание. Не знаю…

Скорее всего я сознание терял, потому что иначе я проснулся бы, когда меня из вертолета выгружали, когда везли в госпиталь. А так, в бессознательном состоянии, я проспал до того, как проснулся в палате, где меня не на кровать выгружали, а с кровати перегружали на «каталку», чтобы отправить куда-то. Я предположил, что в операционную, но одна из трех медсестер, что занимались моей нелегкой персоной, меня успокоила:

– На томографию. Будем делать снимок всего скелета и мозга.

Я улыбнулся и подумал, что тот врач в вертолете меня, видимо, все же не послушал и поставил какой-то хитрый укол, вводя в искусственное коматозное состояние, потому что у меня глаза снова слипались. Я поддался благотворному соблазну и добросовестно снова уснул. И, похоже, сонному мне «влупили» следующий укол, в результате чего проснулся уже тогда, когда мое плечо было загипсовано «на вертолет»[3 - Гипс «на вертолет» – жаргонное выражение, распространенное среди травмированных, когда гипс накладывается на плечо по спине от противоположного плеча, а загипсованная рука выставляется вперед перед грудью. Как правило, такой способ гипсования применяется при переломах плечевого сустава.]. Для меня это было очень неудобно, поскольку в нормальном сознании я не могу спать на спине, а в любом другом положении гипс будет мешать. Но уговаривать медиков, насколько я знал, дело абсолютно бесполезное. Они традиционно не умеют чувствовать чужую боль. И абсолютно равнодушны к неудобствам своих пациентов. Это у них профессиональное качество, своего рода самозащита – иначе не выдержать на такой работе. У меня уже был однажды подобный перелом на другом плече, и точно такой же гипс наложили. Промучившись только одну ночь, я гипс просто разломал на несколько частей. Но тогда я не лежал в госпитале, а находился дома. Но собственную уловку я запомнил. В том случае, когда пришел в санчасть на осмотр к хирургу, он, естественно, возмутился сломанным гипсом. Я же, памятуя, что наделен природой простоватым и абсолютно честным лицом, вяло пожаловался, что сломал его во сне. И даже собственную вину глазами показывал. Долго, дескать, мучился, не умея уснуть с гипсом, потом уснул, а когда проснулся, он мне уже не мешал. Новый гипс наложили сразу, но и его постигла участь первого. Причем еще до наступления времени сна. В третий раз хирург уже гипс накладывать заново не стал. Понимал, что это бесполезно. Хотя и предупредил меня, что плечо будет болеть лет пять. Но потом мышцы все же стянут скелет и вправят то, что не сумел вправить гипс. Или просто привыкнут к старому перелому. И я привыкну. И он перестанет мне мешать. Только сразу нельзя сильно нагружать плечо, иначе возможны рецидивы. Какие такие рецидивы, хирург не объяснил. Мне показалось, он сам не знал. Просто припугнул на всякий пожарный случай.

Но хирург представить себе не мог наших обычных нагрузок, хотя санчасть и принадлежала бригаде спецназа ГРУ. Он же не занимался вместе с солдатами и офицерами на бригадной спортивной площадке. Я принял к сведению его сообщение о болях в течение пяти лет и, чтобы избежать боли, значительно

увеличил нагрузки на мышцы плечевого пояса. И уже через два месяца полностью забыл о переломе. Только изредка при каком-нибудь необходимом круговом движении в плече что-то одиночно похрустывало, словно кость задевала о кость. Но боли при этом я не ощущал. А потом и похрустывания прекратились…

* * *

В этот раз выздоравливал я долго и мучительно. Наверное, сказывалось отсутствие нагрузок, которые всегда помогают мне быстрее прийти в себя. И неявно проявлялся пресловутый мобилизующий момент, который всегда заставляет в кратчайшие сроки почувствовать себя здоровым и боеспособным. Дело в том, что после заключения врачей, которое прочитали в штабе батальона, мой взвод уже успели передать другому командиру, а меня, не спросив моего согласия, как часто бывает в армии, перевели на службу в сам штаб батальона, куда я не особенно спешил, не имея склонности к бумажной работе. Какая уж тут мобилизация внутренних сил организма! Поскучать можно и в больничной палате. И ничуть не хуже, чем за письменным столом. Никакой разницы… И здоровье без мобилизации внутренних сил не особенно быстро возвращалось. Сказывались и три с половиной месяца, проведенные в гипсе, пусть и «сломанном во сне» – конец осени и полностью всю зиму. Мышцы под гипсом не то чтобы совсем атрофировались, но потеряли эластичность и стали словно бы чужими. Плохо меня слушались. Пытаясь себя уважить, интенсивную физическую подготовку я начал еще в госпитале, вследствие чего был досрочно выписан за его стены с какой-то нехорошей припиской в медицинской карточке военнослужащего – «за нарушение больничного режима». Какого режима, точно сказано не было, и это давало возможность досужим языкам потрепаться на ветру. Но это не помешало мне вернуться в бригаду, где я сразу по собственному желанию включился в прежний, нормальный ритм жизни и в подготовку солдат. То есть лез уже в дела не свои, чем слегка раздражал и нового командира взвода, и командира роты, своего бывшего непосредственного начальника. Командиру взвода казалось, что я подрываю его авторитет. Командир роты нового командира взвода поддерживал. Но я сам себя готовил, по сути дела, с чистого листа к полноценному возвращению в строй, надеясь в глубине души получить под командование как раз эту роту, поскольку командиру моей роты пора уже было идти на повышение. Очередное звание ему уже было обещано, а должность под новое звание еще подыскивали. Однако командование бригады посчитало, что я еще недостаточно восстановился после госпиталя, и потому мне был срочно оформлен очередной отпуск. Не отпуск по состоянию здоровья, а

именно очередной. И я вынужден был проводить восстановление своего подорванного лечением здоровья уже в домашних условиях. Бригада наша стояла в Краснодарском крае, а семья у меня жила в Подмосковье, куда я и уехал на время отпуска. Но и там я здоровье восстанавливал интенсивно и, кажется, успешно.

Так в каждый отпуск было – половину отпуска я проводил с семьей, потом ехал к родителям в Донецкую область, в родной свой поселок городского типа Терриконовку. Впрочем, обстановка в Донецкой области ко времени моего отпуска была такая, что мое появление там могло вызвать нежелательные последствия. Тем более мои родители оказались в настоящее время на территории, занятой украинскими войсками. Мне в родном поселке Терриконовка показываться было просто опасно, а родителей, с которыми я уже не виделся больше года, могли просто не выпустить в Россию. Да и средств на дорогу у них могло не найтись.

У родителей не было ни домашнего телефона, ни трубок сотовой связи. Жили они в бедности, и та материальная помощь, что время от времени высылалась им мной, пользы не приносила. Появлялось что-то в доме только тогда, когда я приезжал и сам что-то покупал. Чтобы как-то обсудить возможность и вероятность или же, наоборот, невозможность и невероятность встречи с родителями, я позвонил Сашке Александровскому, своему товарищу детства, в поселок, пообещал перечислить ему необходимую сумму на телефонный номер и попросил его купить моему отцу самую простую трубку и sim-карту, научить трубкой пользоваться и сразу загнать в память трубки мой номер.

Сашка ответил вечером того же дня. Сообщил, что поручение мое выполнил, и, слегка стесняясь, назвал цену своих услуг. Я пообещал оплатить, попробовал перевести деньги через мобильный банк со своей пластиковой зарплатной карточки, но не получилось. Оператор связи был украинский и платежи принимал только в гривнах, долларах или евро. Пришлось позвонить Александровскому и объяснить ситуацию. И пообещать уже завтра с утра отправиться в банк и перевести деньги. Сашка был человеком сговорчивым и согласился.

Отец сам позвонил мне уже на следующий день, с утра, хотя я ко времени его звонка уже встал, и даже вернулся с обязательной утренней пробежки. Бегаю я достаточно долго, но не потому, что не могу бежать быстрее. Я-то могу, но я всегда бегаю со своей собакой. Большой тяжеловесный ньюфаундленд может

бежать сколько угодно, не ведая усталости, но при этом недостаточно быстро. От быстрого бега он задыхается и устает. Он же все-таки не служит в спецназе ГРУ…

* * *

– Валька! Ты, что ль? – знакомым скрипучим голосом спросил отец. Голос его изобиловал множеством мелких трещин. Хорошо знакомый мне голос. Знакомые интонации. Но отец как-то невнятно спросил, словно не верил, что это могу оказаться в действительности я. Он плохо понимал, как далеко зашла техника.

Мне показалось, что отец был по обыкновению, как всегда в последние годы, не совсем пьян, но основательно выпивши. Хотя время было еще, как мне подумалось, слишком раннее. Пил отец стабильно и все, что имело хоть какое-то процентное содержание спиртного. Иногда вместе с ним пила и мама. Меня это всегда, с самого детства, злило, и потому я, с этого самого детства насмотревшись на пьяных, сам запаха спиртного во взрослой своей жизни не переносил. Не пил вообще принципиально и другим не советовал. Голос отца, несмотря на шахтерскую хрипотцу, несмотря на неуверенность, звучал все же почти оптимистично и, при всех моих подозрениях на его состояние, меня радовал – все-таки родной человек, давший мне жизнь. И сам отец, как я помню, всегда рад был встрече со мной.

– Я, пап, я это… Как у вас дела? Как мама?

– Да хреново дела, – весело завопил вдруг отец. – А ты чего это трубку решил нам купить… С чего такого вдруг?

– Да меня вот в отпуск отправили. Я же всегда в отпуск к вам приезжал, проведать, а как теперь? Мне теперь к вам не проехать? В Америке проще встретиться, чем в Украине! Может, вы ко мне? Я бы денег на дорогу выслал… Как там у вас обстановка? Выпустят вас?

Говоря по правде, высылать деньги на дорогу можно было бы только через того же Сашку Александровского. Чтобы он втайне от отца передал деньги маме. Иначе отец все пропьет. А если на маму выслать, он, узнав, все равно у нее заберет и пропьет. Мама ему перечить не посмеет. Побить может. Но

предложение я сделал. Может быть, даже неожиданно для себя. Однако обратного пути не было. Но отец сразу и резко отказался.

– Бесполезно. Чтобы к вам попасть, надо в Донецк проехать, а нас туда не пропустят. У нас здесь особый режим.

Хорошо зная своего отца, его всегдашнее желание показаться значимым и из мухи раздуть слона, я не обратил особого внимания на слова об особом режиме.

– Да и как уедешь? У нас ведь не лучше, чем у вас. Зимой-то на одну пенсию не проживешь. Огород, хозяйство только и спасают. Весна началась… Столько забот по хозяйству. Мать не сможет дом оставить.

Я не стал объяснять, как у нас люди живут, зная, что и у нас старики не живут, а только выживают. И пенсии хватает только на покупку веревки, чтобы повеситься, а на мыло для веревки пенсии не хватает. У отца, правда, была еще и инвалидская добавка к шахтерской пенсии – он ушел на инвалидность по причине непонятно откуда взявшейся эпилепсии. Но и некогда большой шахтерской пенсии, и инвалидной добавки к ней ни на жизнь, ни на лекарства не хватало. Да и то выплачивались они нерегулярно. А что выплачивалось, большей частью оседало в магазине.

Но я не о том разговор хотел вести.

– Мама как? Где она?

– Вон… Лежит…

Я знал, что мама всегда вставала с рассветом. Она не из тех, кто любит бока пролеживать.

– Болеет? – переспросил я обеспокоенно, хотя в голове сразу мелькнула нехорошая мысль, что мама с отцом с вечера сильно выпили. Так сильно, что отец до сих пор не протрезвел, а мама встать не может. Такое еще на моей мальчишеской памяти бывало.

– Болеет… Избили ее…

– Как? Ты!..

– Не-а… Эти… У нас тут, в Терриконовке стоят… Войска… Национальная, чтоб им сдохнуть, гвардия…

– Как? За что?

– А ни за что. Просто приходят в дом и забирают, что хотят. Вот понадобился кому-то холодильник наш. Приехали за ним на машине. Сказал кто-то, сука, что холодильник у нас хороший. Тот, что ты нам купил, корейский. Большой. Сказали, им для лаборатории надо. Забрали вместе с продуктами. Меня дома не было, я бы за вилы схватился. А мама что… Она в руки им вцепилась, хотела хотя бы продукты из холодильника забрать. Какой там… Ее избили так, что до моего прихода с пола подняться не могла. Два с лишним часа валялась. Вот так у нас тут… А ты приедешь, и тебя, и нас совсем убьют… Все одно кто-то скажет, что ты русский офицер… Значит, для них – враг…

– Как же так, папа? – растерянно спросил я.

– Не переживай сильно. Я с ними сам рассчитаюсь. Мне не нравится, когда мою жену чужие бьют. С одним уже рассчитался. И с остальными тоже разберусь… А это что? Извини-ка…

Я хотел еще попросить маме трубку дать, если она говорить может, но разговор тут прервался, и папа ничего больше сказать не смог.

А я в растерянности опустил руку с трубкой…

* * *

– Что там у них случилось? – спросила, выходя из спальни и завязывая на ходу пояс на халате, Ольга, моя жена. Она, рафинированная горожанка, преподаватель в музыкальном колледже, мягко говоря, слегка недолюбливала моих родителей и спрашивала явно только для проформы. Но я начал объяснять, возбужденно жестикулируя при этом. Ольга, привычная к моему обычному немногословию, смотрела на меня с легким удивлением. Ее же еще в госпитале, когда приезжала ко мне, предупредили, что у меня с большой долей

вероятности могут возникнуть «речевые проблемы». А тут все наоборот получается…

– Трубку не урони… – посоветовала, прервав меня. – Убери в чехол.

– Разговор прервался. Сейчас сам перезвоню. Наверное, у отца деньги на трубке кончились. Звонок-то международный…

Ей слушать мои возмущенные объяснения было малоинтересно, и потому я объяснять не стал и отошел к окну, чтобы на свету позвонить отцу. На окнах были задернуты плотные теневые шторы, и в квартире стоял полумрак. Но трубка «подала голос» раньше, чем я до окна дошел. Думая, что это снова папа, я не посмотрел на определитель и сразу ответил:

– Слушаю…

– Старший лейтенант Наскоков? – спросил незнакомый голос. Строго спросил, с откровенными командными нотками.

– Я! Слушаю, – отозвался я привычно.

– Вы в Москву когда собираетесь?

– Я вообще-то не собирался. А кто это спрашивает?

– Полковник Росомахин. Диверсионное управление ГРУ.

– А что, товарищ полковник, есть во мне необходимость?

– Есть.

– Мне доехать недолго. Через два часа буду в Москве.

– На чем добираться будете?

– Думаю, на машине жены.

– На дорогах – час пик… Значит, три с лишним часа. Короче говоря, старлей, я жду вас через четыре часа. Пропуск вам будет заказан. Из бюро пропусков позвоните дежурному по управлению. Он пошлет за вами посыльного солдата.

– Понял, товарищ полковник. Ровно через четыре часа буду у вас…

* * *

Посыльный был не солдатом, а сержантом контрактной службы. Но полковнику ГРУ было простительно не знать, кто является помощником дежурного по управлению в каждый конкретный день. Спустившись в подвал бюро пропусков, сержант громко назвал мою фамилию. Я отделился от стены, где почти сидел на батарее отопления, и подошел к нему.

– Веди, Сусанин…

– Вы меня знаете, товарищ старший лейтенант? – удивился сержант.

– Нет.

– А фамилию откуда знаете? А… Дежурный сказал…

Я не стал ничего объяснять. Пусть думает, как ему думается, только бы, несмотря на свою фамилию, довел меня до места. Он довел и передал, что называется, с рук на руки дежурному по управлению подполковнику, который не нашел необходимым себя назвать и сразу отвел меня, только услышав фамилию, в кабинет, где сидели объемный, если не сказать, что необхватный полковник и майор.

– Товарищ полковник, старший лейтенант Наскоков по вашему приказанию прибыл.

Полковник поднял от каких-то бумаг внимательные холодные глаза, слегка обжег меня льдом своего взгляда и кивнул на стул:

– Присаживайся, старлей…

Я послушно сел. Строго, как и полагается старшему лейтенанту из провинциальной бригады перед полковником из головного управления. И даже руки на колени положил, чтобы они мне не мешали. В кабинетах большого для меня начальства я обычно начинаю понимать фразу об актерах на сцене, которым «некуда руки девать». У меня всегда было такое же ощущение.

Я глянул на стол полковника, увидел фотографию и понял, что он так внимательно читает. Это было мое личное дело. Личное дело офицера военной разведки – это то, что самому ему удается увидеть крайне редко. Там содержатся не только все документы о прохождении службы, там все рапорты командования об участии офицера в конкретных боевых действиях, там и оценка способности офицера проявить себя в тех или иных обстоятельствах, там и предположения об использовании его в каких-то особых мероприятиях.

Поскольку в особых мероприятиях, кроме уничтожения бандитов на Северном Кавказе, я участия не принимал, в моем личном деле могли быть предложения по моему использованию в дальнейшем. То есть командование выставляло мне оценку за то, что я уже сделал, и высказывало предположения, на что я способен. Не знаю, как другим, но мне было бы не просто интересно, но и полезно со своим личным делом ознакомиться, чтобы знать, какие моменты мне следует дополнительно проработать и какие направления требуется в своей службе развивать. Это естественное желание, хотя и невыполнимое.

– А скажи-ка мне, Валентин Иванович, за что тебя из госпиталя выгнали? – поинтересовался полковник Росомахин.

– За «нарушение больничного режима», товарищ полковник, – коротко ответил я известной мне формулировкой, поскольку медицинская книжка военнослужащего не является настолько же секретным документом, как личное дело офицера разведки, и я имел возможность туда заглянуть.

– Режим можно нарушать по-разному. Для кого-то это запой, для кого-то постоянные отлучки по ночам. Что у тебя было? Не «квасил»?

– Никак нет, товарищ полковник. Я не пью принципиально. В детстве насмотрелся на пьяного отца и решил, что никогда не буду пить. И не пью…

– А в госпитале? Что там было?

– По большому счету пустяки. Но они чем-то унижали, видимо, врачебный персонал… Короче говоря, я просто начал интенсивно тренироваться, чтобы привести себя как можно быстрее в боевую форму. Все-таки три с половиной месяца в гипсе – это для меня слишком много. Тело одрябло. И я взялся приводить себя в порядок. А потом лечащий врач застал меня на турнике во время выполнения сложных силовых упражнений.

– Откуда в госпитале турник? – не понял Росомахин. – Его что, в операционной установили?

– Никак нет. Я заплатил госпитальным слесарям-сантехникам, они сварили металлический турник и вкопали его во дворе госпиталя. Прямо в газоне. Две трубы и лом между ними.

– И что, турник вместе с тобой, старлей, «выписали»? – весело спросил майор из-за соседнего стола.

– Никак нет, товарищ майор. При убытии я видел, как сами молодые врачи на этом турнике червями извивались. Ни один, кажется, подтянуться не сумел…

– Ладно. – Полковник закрыл мое личное дело и прихлопнул ладонью по папке, словно точку в каком-то вопросе поставил. – Нас вариант с турником устраивает. Хорошо бы, ты в моем кабинете турник устроил. А то толстею не по дням, а по часам.

– Могу, товарищ полковник, хорошую диету предложить.

– Много я диет видел. Но ни одной дельной, – сбоку подсказал майор.

– Моя – чрезвычайно действенная. Стакан воды за три дня до еды. И все…

– Шутник, – поморщился полковник. – Двинемся в нашем собеседовании дальше.

Я промолчал. Я знал, что собеседование обычно проводится с офицером, когда ему планируется поручить какое-то персональное задание. Несколько раз

доводилось слышать, как кого-то вызывали в Москву на собеседование. Затем этот офицер на какое-то время исчезал из бригады и потом появлялся только через какой-то промежуток времени, если вообще появлялся, уже в новом качестве и с новым, очередным, а то и внеочередным, званием. Любой из нас, офицеров спецназа, всегда ждет момента, когда его смогут использовать не просто как командира взвода или роты. Существует в системе спецназа ГРУ такая система, как отдельные мобильные офицерские группы, куда попадают только избранные единицы. Таких групп мало, и встречаться с ними приходится редко. Но еще реже возникает возможность получить индивидуальное задание. И это всегда праздник для спецназовца, который много лет готовился, тренировался, чтобы иметь возможность проявить себя с лучшей стороны. Я надеялся, что собеседование со мной является первым шагом в этом направлении. Конечно, решение будет принято не сразу. Сначала ко мне присмотрятся, постараются понять мою сущность и мои возможности, потом будут что-то планировать, и только потом начнут привлекать исполнителя. Заранее объяснять и что-то обещать не будут. Если только нет существенной оперативной необходимости работать «с колес».

– Итак. Вы, если не ошибаюсь, родом с Украины? – Росомахин говорил то на «ты», то на «вы», и никак не мог, мне показалось, найти нужный подход.

– Так точно, товарищ полковник, – ответил я мрачно потому, что вспомнился разговор с отцом и представились события, происходящие в нашем поселке.

– С Терриконовки…

– Так точно.

– Это очень хорошо. А как попали в Россию?

– Я уехал в Россию, чтобы жениться. С будущей женой познакомился в Харькове. Она там у родственников гостила. Около года переписывались. Но свадьбу играли уже в Подмосковье. Я принял российское гражданство. Меня сразу призвали в армию. Отслужил срочную службу. После этого поступил в военное училище…

– Это все мы знаем. Когда в последний раз был в Терриконовке?

– Год с небольшим назад. Родителей навещал.

– Там тогда уже было неспокойно?

– Уже шли бои. Мне даже предлагали вступить в ополчение. Терриконовка тогда была в составе ДНР. От ополчения я отказался, поскольку у меня есть собственная служба. Потом ополчение отступило, и наш поселок оказался уже на украинской территории.

– И какие вести оттуда? Есть вести?

– Есть. Сегодня утром отец звонил. Мать лежит избитая, не может встать. Приехали солдаты, забрали холодильник. Сказали, им нужен для лаборатории. Забрали вместе с продуктами. Отца дома не было. Мама не хотела отдавать. Ее избили так, что осталась валяться на полу до прихода отца. Два с лишним часа встать не могла…

Я вкладывал всю свою боль в слова. Мне было просто физически больно это представлять, словно меня били, а не маму. И злость брала, что не могу я маму с отцом защитить.

– А поехать туда желания нет? – спросил майор из-за другого стола.

Я, кажется, понял предмет собеседования. И сразу попытался ухватиться за осторожно произнесенное предложение.

– Есть, товарищ майор. Если только это возможно.

– Это не только возможно, Валентин Иванович, это необходимо, – за майора ответил полковник. – Причем поехать следует с особым заданием. И задание это напрямую касается холодильника твоих родителей.

А тут уже я догадался. Лаборатория! Холодильник забрали для нужд лаборатории… Вероятно, именно она интересует ГРУ. И я сразу задал вопрос:

– Лаборатория?

– Лаборатория, – подтвердил полковник.

– А чем она занимается? Или это предстоит выяснять?

– Лабораторий в Украине много. И нам вовсе не обязательно знать, какая из них чем занимается. Эта вот конкретно, что расположена в Терриконовке, занимается разработкой и изготовлением взрывных устройств и взрывчатых веществ повышенной мощности. И испытывать им есть где – в Донбассе. Кроме того, есть данные, что там планируется изготавливать боевые отравляющие вещества. Но нас больше интересует не деятельность самой лаборатории. Таких лабораторий у украинской армии много, финансируются они чаще всего с Запада, и мы часто контролируем их деятельность. Если возможность появляется, армия ДНР или ЛНР, а иногда, честно говоря, и наши специалисты подобные лаборатории ликвидируют. Но здесь – особый случай…

Полковник с майором ждали от меня вопроса, но я его не задал, я ждал продолжения. И Росомахин вынужден был сам продолжить.

– Эта лаборатория финансируется совместно Украиной и ИГИЛ. И работают в ней специалисты и с Украины, и с Ближнего Востока. По крайней мере, у нас есть сведения, что три специалиста там работают точно. А руководит лабораторией некий выходец из Турции, полковник украинской армии. У него в подчинении граждане Саудовской Аравии – майор Абу Саид Хайят, человек, окончивший в свое время Кембридж, молодой, говорят, чрезвычайно талантливый профессор-химик, разработавший очень мощное жидкое взрывчатое вещество, и второй химик, выпускник Принстонского университета в США, некий лейтенант Амин эль-Габари, специалист по отравляющим веществам. Нас конкретно интересует связь Украины с ИГИЛ. Необходимо добыть подтверждение. Это должно стать вашим главным заданием. И выяснить, чем заняты химики с Ближнего Востока на Украине. Это вторая часть задания.

– Работать будете, возможно, не в одиночку, – снова вступил в разговор майор. – Пока вы осядете на месте, мы подберем вам группу. Постараемся, по крайней мере, найти освободившуюся от задач ОМОГ[4 - ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа. Если спецназ ГРУ считается элитой среди других подразделений спецназа, то ОМОГ считается элитой в самом спецназе.]. Вы должны будете обеспечить группе прием, проживание, питание и возможность работы. И в дополнение закажете для себя необходимых специалистов. Работа группы – это помощь вам. Главное теперь – группу свободную найти…

Я слышал, что ОМОГ может состоять полностью из старших офицеров. Это значило, что я автоматически попадаю под чье-то командование и теряю самостоятельность. Это было не совсем то, что я уже надумывал в своей голове. И потому сразу возникло предложение:

– Можно и солдат моего бывшего взвода. Я на них всегда могу положиться. У меня там есть надежные парни.

Но это пока не обсуждалось. Люди из головного управления обычно недооценивают солдат. И это не только к москвичам относится. На местах, в штабах, к солдатам тоже относятся не так, как они того заслуживают.

– Вам предоставляется возможность отказаться, – сообщил полковник Росомахин. – Поскольку в случае провала мы от вас откажемся. Никто, скажем, его не посылал. Он сам решил так отпуск провести. Постарайтесь все взвесить и обдумать. Суток на размышление вам хватит?

– Я готов, – твердо произнес я. – Согласен!..

Глава первая

А неба-то вообще не видно! Тучи сплошняком…

Даже если на спину ляжешь, чтобы все стороны одновременно взглядом охватить, все равно ничего не увидишь. И сколько ни поднимай взгляд кверху, никакого просвета в вышине. И кажется, что вот-вот на землю упадет мощный снегопад, которым пугали еще дома. Это для Абу Саида Хайята непривычно и даже слегка неприятно. Его глаза привыкли смотреть в раскаленное добела небо родной ему Аравийской пустыни. Говаривали разные люди, что пару раз снег и там, бывало, выпадал, и даже ссылались на какие-то фотографии, выставленные в Интернете, но Хайят за свои тридцать четыре года жизни с таким явлением не встречался. А фотографиям в Интернете он верил мало, поскольку хорошо знал, как такие фотографии делаются. Сами снимки могли сделать и на Северном полюсе, а снизу подписать, что это Саудовская Аравия. Никаких проблем с уровнем современных технологий. Да и кто разбираться

будет, кому это нужно…

Раньше Абу Саид Хайят вообще считал, что любой снег может лежать только на Северном полюсе. В его голове вообще не укладывалось, как могут люди длительное время жить среди снега и морозов. Однако потом убедился, что живут люди и среди снега, и морозов не боятся. И даже сам начал понимать, что это такое, когда смотрел на столбик термометра. Температура воздуха уже несколько дней вертелась вокруг десяти градусов в плюсе. Для жителя Саудовской Аравии это было почти заморозками. Ночами Абу Саиду казалось, что стоят небывалые холода. И даже пришлось надеть на себя непривычные теплые одежды, которые мешали даже ходить, не то что жить. А потом красный столбик термометра уверенно стал опускаться к нолю и прочно застрял где-то поблизости на несколько дней. Все вокруг говорили, что скоро выпадет снег, хотя прогноз метеорологов и не слышали. Абу Саид Хайят подумал, что теперь-то он хорошо знает, что такое русская зима, хотя по календарю зима только недавно кончилась, и наступила весна. Да и находился он не в России, а намного юго-западнее. Но его пугали, что и здесь зима еще далеко впереди – почти настоящая зима. Весь первый месяц весны, который еще не кончился, вероятны сильные снегопады и заморозки. Зима всегда перед уходом злится и срывает свое зло на людях. Таковы местные условия. Хотя бывают годы, когда весна приходит необыкновенно рано и уже в марте зеленеют поля. Но пока знающие местные условия люди тепла не обещали. Значит, возвращения зимы ждать стоило. Это ожидание радости не приносило, тем не менее и не сильно угнетало, потому что Абу Саид Хайят хорошо знал, что люди любят преувеличивать предстоящие трудности, и тем самым пугают друг друга, и даже радуются чужому испугу.

Вообще-то он зиму видел. И снег видел. Но не в России и не в Украине, а в Англии, когда учился в Кембридже. Правда, там зима запомнилась больше туманами и холодными дождями, а снег в памяти бывшего студента-химика отложился только кратковременным покровом, который вскоре смывало очередным дождем. Однако и английская слякоть Абу Саиду Хайяту была не больше по душе, чем украинский снег. Тем не менее приходилось терпеть, как терпел он годы учебы в Кембридже. Климат Восточной Англии очень мало похож на климат Аравийского полуострова. Но в Абу Саида Хайята вложили деньги, как могли бы вложить в банк, чтобы со временем и он, как банк, приносил проценты. И он сам был с этим полностью согласен. Выходец из бедной семьи, у которой из ценного имущества было только три верблюда, Абу Саид по прихоти какого-то богатого и знатного знакомого своего отца получил сначала приличное образование в своем королевстве. А потом, когда определилась его склонность к

химии, был отправлен на учебу в другое королевство, которое сам он называл «Королевством туманов». Уже по возвращении, получив в Англии ученую степень магистра, юный Абу Саид, так ни разу и не встретив лично своего покровителя и благодетеля, был отправлен на учебу в королевскую военную школу в пригороде Эр-Рияда. Этот пригород по сути своей являлся элитным кварталом города и носил название Эд-Дери’йа. Большинство курсантов военной школы проживало именно в этом пригороде, и эти курсанты часто отлучались домой. Иногда они брали с собой и Абу Саида. Так он приобретал влиятельных знакомых, чаще всего из числа военных, потому что курсанты военной школы, как правило, продолжали дело своих предков и намеревались посвятить свою жизнь службе в королевской армии. По окончании военной школы Абу Саид получил младшее офицерское звание и должность в королевских инженерных войсках. С таким денежным содержанием, которое никогда и не снилось его отцу. Королевство Саудовская Аравия – страна богатая и услуги своих защитников имеет возможность оплачивать щедро. Но прослужил в этих войсках Абу Саид меньше трех месяцев и, как магистр химии, был переведен в лабораторию, принадлежавшую Генеральному штабу королевских вооруженных сил. Там платить стали столько, что оклад армейского лейтенанта казался молодому магистру тем же, чем казались раньше заработки отца. А скоро и повышение по службе подоспело. Уже через три года работы в лаборатории Абу Саид Хайят стал носить капитанские погоны. Но это его в первой лаборатории не задержало. Сразу после получения нового звания его перевели уже в другую лабораторию, которая курировалась королевской службой безопасности. Абу Саиду поручили работу над новым перспективным проектом. Необходимо было создавать новые взрывчатые вещества, причем разрабатывать такие технологии изготовления, чтобы сами взрывчатые вещества производить не на заводах, а чуть ли не на кухне в собственной квартире.

При этом командование молодого химика не хотело выпускать в «большой мир» такие технологии, прекрасно понимая, какая опасность может возникнуть, в том числе и для самого королевства, в котором более-менее спокойно до тех пор, пока кто-то не бросит горящий окурок в отношения между салафитами и шиитами, которых в королевстве тоже немало. И потому было поставлено обязательное условие: изготовление взрывчатых веществ должно быть исключено без участия специалиста – химика высокой квалификации. Такого, к примеру, как сам Абу Саид Хайят или хотя бы ненамного скромнее. При этом с восточной вежливостью намеком было сказано, что Абу Саид, без сомнения, единственный в своем роде специалист. Но не единственный в мире химик. И без присутствия химика изготавливать взрывчатые вещества должно быть опасно и

вообще невозможно. То есть, описывая технологию, Абу Саид должен был пропускать такие вещи, которые понятны химику, но непонятны человеку со стороны. Конечно, такие меры безопасности настоящей безопасности, как понимал сам Абу Саид, не давали. Только мелкие гарантии. Поскольку даже спецслужбы всего королевства не могли держать под контролем всех химиков государства. В королевстве, которое на протяжении многих лет живет в основном за счет добычи и переработки нефти и газа, специалистов этого профиля, естественно, громадное множество. Их даже сосчитать невозможно, как верблюдов в пустыне.

Как руководителю группы, Абу Саиду снова повысили оплату труда. И опять в три раза. Он уже даже не представлял, как такими деньгами распоряжаться. И первым в своем большом семействе завел банковский счет, чем очень удивил своих родителей, не слишком хорошо понимавших, что это такое. Ислам запрещает давать деньги под проценты. А вложение денег в банк по сути своей это и есть давать деньги под проценты. И потому родителями банковский счет не одобрялся. Тем не менее, как человек современный, Абу Саид понимал, что с его доходами без банковского счета не прожить. Тем более этот банковский счет регулярно пополнялся, но Абу Саиду Хайяту уже казалось, что пополняется он непростительно медленно. Появилось желание стать не просто обеспеченным человеком, каким он к тому времени являлся, а богатым, и даже очень богатым. Хотя, если бы его спросили, он не сумел бы ответить на простой вопрос – зачем ему это нужно? Просто хотелось, и все… А потом ему предложили по завершении проекта платить еще в два раза больше, но для этого он должен был перейти на другую работу. Ему даже откровенно не сказали, на какую работу. Сначала прозрачно обмолвились, что есть место с хорошей оплатой труда. Но произнесена сама фраза «место с хорошей оплатой труда» была таинственным полушепотом. И добавлено, что трудиться на новом месте придется как раз по теме, над которой Абу Саид Хайят работал в настоящее время. Только уже в практической плоскости. То есть из разработчика стать производителем.

– Какое место? – наивно спросил молодой руководитель проекта, когда впервые прозвучало предложение. Он еще не понимал того, что не все можно спрашивать. Вернее, не на все вопросы услышать обязательный ответ.

Абу Саиду, естественно, и в тот раз не ответили, но стали сильно интересоваться его отношением к религии. Причем спрашивали про это многократно, и разные люди. Он привычно отвечал то, что от него хотели

услышать, хотя по жизни все обстояло не совсем так, как он говорил. Абу Саид был, как и большинство его сограждан, приверженцем государственной религии королевства[5 - Государственной религией Королевства Саудовская Аравия является салафизм (ваххабизм).]. Но никогда не был религиозным фанатиком. Однако, как всякий восточный человек, он обладал естественной жизненной хитростью, помогающей выжить в сложных ситуациях, и умел вести себя адекватно этой ситуации, которую он умел прочитать без проблем. Или хотя бы считал, что умеет прочитать. Но когда начались такие расспросы, он и вести себя начал иначе. Если раньше Абу Саид Хайят считал для себя обязательным посещать только пятничный намаз в мечети, да и то лишь дома. А в Кембридже, где по пятницам шли занятия, он посещал университет и о молитве забывал, хотя мечеть в городке тоже была и действовала, то сейчас спешил в мечеть по первому зову муэдзина[6 - Муэдзин, азанчи – служитель мечети, призывающий верующих на молитву.]. И сам себя научился уверять, что является истинно верующим. Это, кстати, помогало стать таким в самом деле.

Именно там, в мечети, к нему подошел незнакомый человек и позвал его на собрание в королевский Фонд помощи изучающим ислам. Собрание должно было состояться на следующий день. Об этом фонде Абу Саид Хайят слышал, еще когда был армейским офицером, и потом много раз слышал, когда работал в лаборатории, принадлежащей спецслужбам. Фонд тоже относился к системе спецслужб королевства и финансировался государством, хотя и не являлся официальной государственной структурой. Молодой химик не отказался от приглашения, но, поскольку он был руководителем секретного проекта, он обязан был докладывать о всех новых знакомствах своей службе безопасности. Естественно, Хайят позвонил и доложил. Был выходной день, но в службе безопасности абсолютных выходных не бывает. Его выслушали и пообещали все узнать, а потом перезвонить.

Ему перезвонили через час. Причем не сотрудник службы безопасности, а сам начальник лаборатории. И сказал, что только что разговаривал с человеком, который Хайята пригласил в фонд. Начальник лаборатории назвал этого человека полковником и сказал Абу Саиду, что приглашение отменяется. Полковник был просто не в курсе настоящего положения вещей и потому пытался продублировать работу других людей. И вообще ему ни к чему знать, какие планы относительно своего руководителя проекта есть у службы общей разведки и контрразведки[7 - Главная спецслужба Королевства Саудовская Аравия.]. Голос начальника лаборатории, с которым Абу Саид Хайят до этого встречался только дважды или трижды, показался довольным. Видимо, он радовался, что его руководитель проекта оказался таким верным и перед

важным событием позвонил в службу безопасности лаборатории. Начальник сам так сказал – «перед важным событием». А ведь Хайят не посчитал это важным событием. Он сам не знал, зачем позвонил в службу безопасности лаборатории. Просто вспомнил, что так положено делать, и позвонил. Звонить каждый сотрудник обязан, даже если отправляется в гости к родителям любимой девушки. И капитан Хайят, естественно, понятия не имел, что пригласивший его на собрание фонда человек носит высокое в понимании Аба Саида звание полковника. Такое же звание, как и начальник лаборатории. Говоря честно, Абу Саид Хайят всегда помнил, что происходит он из бедной семьи простолюдинов, и стал относительно заметной фигурой только благодаря чьей-то помощи. А для простолюдина воинское звание полковника – это величина значительная. Для простолюдина даже звание капитана в обычной жизни недоступно. Сам Хайят и не предполагал, и не мечтал, что когда-нибудь может стать полковником и даже вообще старшим офицером.

Уже на следующий день, когда он пришел в лабораторию, его сразу вызвали в службу безопасности. Там, в кабинете, где Абу Саид когда-то проходил первое служебное собеседование и получал инструктаж, его оставили наедине с незнакомым человеком в непривычном глазу саудовца европейском костюме. Вообще-то, когда Хайят учился в Кембридже, он к таким костюмам привык, и тогда они не казались ему чем-то неприличным. В Эр-Рияде европейцев было мало, и человека в таком костюме можно было чаще увидеть проезжающим в автомобиле, чем на улице. Столица Саудовской Аравии город не туристический, и приезжих здесь бывает мало. В основном это политики и бизнесмены. Мутавва, как официально называется религиозная полиция, строго следит за тем, чтобы местные жители не нарушали нравов своего народа. И даже мужчинам не рекомендуется носить рубашки с коротким рукавом, не говоря уже о шортах или коротких юбках у женщин. Но этот человек, желавший побеседовать с Абу Саидом, казался саудовцем, и разговаривал на привычном саудовском диалекте арабского языка. Представиться он не захотел, и разговор сразу повел в повелительном тоне, словно не имел в жизни никаких сомнений и уверен был в том, что его мнение – единственно правильное.

– Мне сказали, что вы созрели для выполнения задания. И согласны перейти на новую службу. Это так?

– Извините, но меня никто об этом напрямую не спрашивал…

– Или я чего-то недопонимаю, или вы недопонимаете. Так вы что, против того, чтобы послужить своему малику[8 - Малик – в странах Востока царский и королевский титул. В отличие от титулов эмир или султан, имеет прямой перевод, как «король» или «царь».] и исламу в целом?

Такое восточное искажение того, что он сказал, Абу Саида не смутило. Он все же окончил Кембридж, человеком был грамотным и умел правильно строить фразы. Да и с логикой дружил.

– Я разве говорил это? Я сказал лишь о том, что меня не спрашивали. Если меня не спрашивали, то я не имел возможности дать ни положительный, ни отрицательный ответ.

Это прозвучало достаточно твердо, на грани резкости.

– Не повышайте на меня голос. Я член королевской семьи!

– Извините, я просто сказал категорично, но голос я не повышал. Кстати, как мне вас правильно называть?

Абу Саиду показалось странным, что член королевской семьи носит европейский костюм, но он ничего об этом не сказал, хотя в душе этим слегка возмутился – какой же пример может подать этот человек. А ведь он просто обязан быть примером для других. Но даже удивления своего Абу Саид не выказал, поскольку не забывал о своем происхождении, которое по большому счету даже не позволяло бы ему в каких-то других условиях разговаривать с представителем королевской семьи. Он только смиренно и покорно, как и полагается простолюдину пред лицом высокого вельможи, опустил взгляд в пол.

– Можете обращаться ко мне просто: полковник-эфенди[9 - Эфенди – господин. Форма обращения, титул и даже, в какое-то время, воинское звание в некоторых странах Востока.]. Если бы у меня была необходимость, я назвал бы свое имя раньше.

– Я понял, полковник-эфенди.

Знакомство показалось Хайяту не слишком теплым. Из этого можно было сделать вывод, что и будущее его пока достаточно туманно. Но, видимо, у полковника в голове были уже сформированы какие-то свои, уже облеченные в конкретность планы, и менять их было сложно. И потому полковник тяжело вздохнул и, не продолжая прежний разговор, перешел сразу к главному, и сказал уже без строгости в голосе:

– Я больше не буду спрашивать вашего согласия или несогласия. Вы – капитан королевских вооруженных сил и обязаны подчиняться приказу. Пока приказ такой… Сегодня к вам в лабораторию подойдет человек, который будет в вашем подчинении. Он ваш коллега, тоже химик. Вам вместе ехать в командировку и вместе выполнять задания. И вы должны будете друг другу помогать. В выполнении своих профессиональных обязанностей… У вашего подчиненного своя тема работы. Если сможете в силу своей компетентности, поможете ему. Не сможете, он сам справится. Будете вести разработки параллельно. Я не настаиваю на том, чтобы вы подружились. Это уже, как получится. По крайней мере, вражда между вами недопустима.

– Можно задать вопрос, полковник-эфенди? – все так же, не поднимая взгляда на собеседника, спросил Абу Саид.

– Можно. Я слушаю.

– Я в настоящий момент работаю над конкретным проектом. И потому командировка…

– Я понял, – полковник остановил Хайята жестом. – Успокойтесь. Проект продолжается. Командировка во многом зависит от успешности вашего настоящего проекта. Мы будем его рассматривать на пригодность. И испытывать как раз во время командировки. Работайте спокойно…

И последовал жест, словно полковник от мухи отмахнулся. Абу Саид, хотя и в пол смотрел, жест уловил и понял, что относится он к нему. Его отпускают…

* * *

Лейтенант Амин эль-Габари, как звали нового помощника, появился в лаборатории во второй половине дня. Его привел и представил офицер службы безопасности лаборатории. Эль-Габари возрастом был лет на восемь-десять моложе Хайята, но, как сразу выяснилось в разговоре, тоже имел иностранное образование. Только учился не в Великобритании, а в Америке, в Принстонском университете, где, как слышал Абу Саид, готовят неплохих химиков, с той только разницей, что в Кембридже химия выделена в отдельную отрасль науки, а в Принстоне она изучается как составная часть естествознания. Соответственно, и уклон там тоже свой.

Конечно, первое, что требовалось узнать, это тему проекта, которым занимался Амин.

– Яды, которые можно сделать на любой кухне и применять в боевых условиях. В том числе и как вооружение диверсионных групп… – без сомнений признался эль-Габари. – А у тебя? Тоже, как мне сказали, какой-то кулинарный вопрос?

– Тоже кулинарный вопрос, – без сомнений согласился и Хайят. – Приготовление на любой вкус на всякой кухне взрывчатых веществ.

– Значит, работать в дальнейшем нам предстоит на одной кухне, – сделал вывод Амин.

– Поместимся, – согласился Абу Саид. – И друг другу не помешаем.

Ни тот ни другой еще не знали, что на Украине, куда они должны были поехать, в большинстве домов кухни тесные, построенные по стандартам, установленным хрущевской властью. Они вообще еще не знали, что им предстоит поехать именно на Украину…

* * *

Только после рассмотрения того и другого проекта где-то в верхах, причем рассмотрения без участия авторов, лейтенанта и капитана пригласили на собеседование три человека. Один из них – начальник лаборатории, второй, как потом сказал им первый, представлял службу общей разведки и контрразведки, а третьим был уже знакомый Абу Саиду представитель королевской семьи,

непонятно, какую должность занимающий. Но и капитан, и лейтенант уже хорошо знали, что в спецслужбах лучше не задавать ненужных вопросов. Все, что нужно, тебе сообщат. Хотя и спросят для проформы, есть ли вопросы. Но вообще вопросы здесь не любят.

Работы химической лаборатории были одобрены теоретическим советом. Это было самым важным, поскольку теоретический совет состоял из ученых-химиков.

После этого предстояло еще получить одобрение у практического армейского совета. Для чего планировалось провести реальные испытания. Армейский совет не изучает химические формулы, он изучает результат практического применения разработки.

– Капитан, вы полностью отвечаете за заявленную силу взрыва вашего состава? – строго спросил полковник королевских кровей.

– Абсолютно, – с уверенностью ответил Абу Саид Хайят. – Сто шестьдесят процентов в сравнении с гексогеном. Если при взрыве композиции «С-4»[10 - Композиция (состав) «С-4» – пластит, мощное боевое взрывчатое вещество.] происходит расширение газов со скоростью восемь с половиной тысяч метров в секунду, то наш состав расширяется со скоростью тринадцать тысяч шестьсот метров. Есть некоторые неудобства из-за того, что вещество представлено в жидкой форме, но, с другой стороны, это можно рассматривать и как удобство. Следует только приспособиться к использованию. Жидкость можно залить в любое углубление, в любую щель, в любую трещину, например, фундамента здания. Это не дает возможности узкой вынужденной локализации участка взрыва. А учитывая взрывную силу нашего состава, можно дать гарантию взрыва большой силы даже при малых дозах распространения на конкретных объектах.

– Хорошо, – кивнул полковник. – Проверка будет производиться в естественных условиях. Если все пройдет так, как вы описываете, вы в тот же день станете профессором. Это я вам обещаю. Документы уже подготовлены, и осталось только поставить подпись короля. Лейтенант… Ваши усилия не носят такого глобального характера, и потому практических испытаний не будет. А химический анализ уже сделан, и он дал подтверждение вашим выкладкам. Вам осталось только дождаться, когда закончатся испытания, скажем так, «произведения» капитана Хайята, после чего оба вы отправитесь на две недели в тренировочный лагерь бригады имени бин-Турки[11 - Бригада имени бин-Турки – спецслужба Саудовской Аравии, бригада номер один специального назначения

имени Фейсала бин-Турки, считается элитным спецподразделением королевства.]. Там вас кое-чему слегка подучат, а потом вы познакомитесь и со своим командиром, вместе с которым вам предстоит отправиться в дальние края.

О том, что над ними будет еще какой-то командир, и капитан, и лейтенант услышали впервые. Но оба понимали, что командиры в армии бывают всегда, и даже не поинтересовались, кто будет ими командовать. Все равно они скорее всего этого человека не знают…

Глава вторая

Как и было обговорено в плане предстоящей операции, сначала меня отправили одного. На языке разведки это называется «вывели». Но сути этот термин нисколько не меняет. Выходил на ту территорию я сам. Мне только помогали. Конечно, было слегка приятно, что обо мне позаботились, все просчитали и все узнали. Действовали по системе вывода агентуры, ранее, еще в советские времена, применяемой в военной разведке. Перед тем как вывести агента, высылалось несколько «маршрутников»[12 - «Маршрутники» – низшая категория разведчиков, обеспечивающая агента жизненно важной мелкой информацией, например, о стоимости автобусного билета от одного населенного пункта до другого и стоимости того же проезда с «частником», валюте, которой лучше всего расплачиваться, и информацией о том, какая валюта не вызывает подозрения.], которые узнавали необходимое для моего безошибочного, не вызывающего подозрений продвижения. В частности, «маршрутники» должны были определить, где стоят посты и кто эти посты занимает – армейцы, «Правый сектор», национальная гвардия или добровольческие батальоны. В каких деревнях на моем пути люди еще живут, какие покинули. А если живут, то в каких домах. Вся эта информация была нанесена на карту, а карта была дана мне на двадцать минут, с тем чтобы я ее запомнил. Я справился с задачей за пять минут, поскольку память у меня была тренированная. Полковник Росомахин не поленился и провел проверку. Я не ошибся ни на одном из его десятка вопросов, все пересказал точно.

В любом случае заботу было чувствовать приятно, и при этом такая забота показывала мне, как разведчику достаточно опытному и умеющему

анализировать ситуацию, насколько моим действиям придается большое значение. Это, конечно, повышало мою личную ответственность, но ответственность меня не пугала. К ответственности я привык, сам всегда добровольно взваливая на себя тогда, в прежние времена, будучи командиром взвода, ответственность лично за каждого своего солдата. Иначе было нельзя. Они для меня были как младшие братья, о которых старший обязан заботиться.

Начало моего маршрута было несложным. До Ростовской области меня доставили на вертолете, там посадили на машину с военными номерами и отвезли в погранотряд, где я выспался на год вперед, пока мне не сообщили, что на другой стороне границы, на территории ДНР, меня готовы принять, всем необходимым обеспечить и проводить в дальнейший путь. И даже готовы выделить в сопровождение диверсионно-разведывательную группу из трех хорошо подготовленных бойцов, лучших диверсантов батальона. Пограничники же предложили мне в попутчики симпатичную белую собачку, по породе – из чистокровных дворян. Собачка была начисто лишена агрессивности, но ее природный нюх, как говорили, не имеет в мире аналогов. Она за десяток метров чувствует, что проводник приближается к взрывчатке, и начинает лаять. Для саперов, думаю, такая собачка – просто находка. Но она же в состоянии выдать и меня, и диверсионно-разведывательную группу своим лаем. Во-первых, мне предстояло проходить через минные поля, во-вторых, я намеревался при необходимости в отдельных местах сам выставлять взрывные устройства. На мой вопрос, как собака отличает свои взрывные устройства от чужих, пограничники просто пожали плечами. У них, не участвующих непосредственно в боевых действиях, просто не возникало такой необходимости. И я, несмотря на свою любовь к собакам, отказался от подарка. С собакой я смог бы подружиться. В этом у меня сомнений не возникало. Еще не родилась, наверное, собака, с которой я не смог бы подружиться. За свою жизнь, с самого детского возраста, сколько себя помню, собаки у меня не было только тогда, когда я в военном училище учился. Но там я дружил с собаками, что подкармливались возле столовой. А так держал собак самых разных пород, от откровенных добряков до суровых сторожевых. И в спутники себе всегда выбрал бы собаку, а не человека. Тем не менее, согласно предупреждению пограничников, я представил себе, сколько проблем может создать собака, натасканная на поиск взрывных устройств, и отказался.

До границы мы доехали на «уазике». Провожал меня капитан, начальник разведки погранотряда. Встали в стороне от дороги, уходящей в сторону границы. Долго рассматривали противоположную сторону. Капитан дважды звонил и оба раза убирал трубку, ничего мне не сообщая. И только после

третьего звонка сказал:

– Все. Мы – вне зоны видимости американского спутника. Он – за горизонтом. С Богом! Вперед по дороге. Через два километра вас встретят две машины. Там вас подготовят, вооружат и отправят дальше…

Я прощально поднял руку, поскольку все сказанное напоследок капитаном знал и без него. Вся подготовка выполнялась оперативным отделом диверсионного управления ГРУ. И даже инструкции для пограничников разрабатывались там же, теми же офицерами-оперативниками, хотя на инструкциях и ставилась виза ФСБ. Как ни крути, а погранвойска входят в подчинение ФСБ, где любят контролировать все и всех.

Мне осталось только подправить на плечах лямки стандартного рейдового рюкзака, спуститься с высоты на дорогу и быстрым шагом, таким быстрым, что простой человек рядом со мной вынужден был бы просто бежать, направиться в Украину. Пересечение границы отметилось сломанным шлагбаумом и разваленной кирпичной будкой на той стороне. На нашей стороне когда-то тоже была будка, от которой осталось только бетонное основание, заметное даже в темноте. Но будку пограничники, видимо, по бедности или по привычной бережливости, похоже, увезли. И шлагбаум, по идее, должен был быть с двух сторон, но на нашей его не было даже сломанного. Похоже, тоже увезли. Но, имея собственную задачу, я не стал искать глазами место, где он был установлен. Какое мне было до этого дело!

Углубившись в сопредельную территорию на километр и оказавшись в тени окружающих дорогу деревьев, которые прятали меня от яркой и тонкой молодой луны, я шагнул за ствол дерева, вытащил из поясной кобуры на спине пистолет «СПС»[13 - «СПС» – самозарядный пистолет Сердюкова.] и приготовил его. Соблюдать собственную безопасность я всегда предпочитал сам. Но опасность я ждал не от тех людей, что дожидались меня на двух машинах впереди. Опасность могла появиться откуда угодно, поскольку даже пограничники на нашей стороне многократно слышали, что украинская сторона посылает в мятежные республики одну диверсионно-разведывательную группу за другой. Необученные, плохо подготовленные на скорую руку американскими инструкторами украинские диверсанты на что-то серьезное были способны мало, тем не менее от автоматной очереди из кустов даже бронежилет не всегда спасет. Я на эту операцию выбрал бронежилет от оснастки «Ратник», как самый надежный из всех, которые я знал, а знал я их множество, и из разных

государств, умеющих ценить безопасность своих военнослужащих. И к тому же этот металлокерамический бронежилет был самым легким по собственному весу. И камуфлированный костюм я предпочел из того же комплекта. И только по одной причине. Этот костюм умеет скрывать тело бойца от тепловизора. Я сам однажды пытался в тепловизорный прицел снайперской винтовки рассмотреть в темноте человека в оснастке «Ратник». И не мог ничего понять. Я видел какие-то три пятна. Одно побольше, относительно малодинамичное, хотя человек, на которого я смотрел, шел, а два других значительно меньше и динамичные. И только снайпер объяснил мне, что большое светящееся пятно – это лицо бойца, которого я рассматриваю. Два пятна поменьше – незащищенные руки. Неопытный снайпер, не встречавшийся с такими костюмами, не поймет, в чем дело. Я не знал, будет ли кто-то рассматривать меня в прицел или в бинокль. Но куртку для костюма я себе выбирал специально с рукавами подлиннее, чтобы была возможность спрятать руки. Правда, на голову я надел только вязаную шапочку вместо шлема, поскольку шлем считался средством связи внутри подразделения, а я пока был один. А шапочка была привычнее и удобнее. Но в ГРУ у меня была договоренность: когда я выйду на связь и затребую себе группу, которая сейчас для меня подбирается и готовится, группа доставит мне в том числе и шлем. Кроме шлема будет доставлено оружие и необходимое оборудование, которое я отмечу в перечне. Причем с перечнем меня познакомили заранее, чтобы я знал все, что могу затребовать. Сам перечень был сохранен у полковника Росомахина. Я только ознакомился с ним и запомнил наименования оружия и оборудования по порядковым номерам. Росомахин по своей привычке и это проверил. Заставил меня выборочно что-то называть и сообщать номер. Я опять ошибки не допустил. Память не подводила. Из средств связи у меня была только трубка смартфона. Но не моя личная трубка, а выданная в ГРУ трубка «Блекберри» с собственной кодировкой разговоров. Систему кодировки взамен стандартной в ГРУ написали самостоятельно. И, прослушав мой разговор с кем-то, у кого будет такая же трубка, можно было услышать только какое-то бульканье, и больше ничего. Однако ГРУ и это показалось недостаточным. Трубку в дополнение взяли на контроль спутника, и при попытке подключить прослушивание спутник сразу заблокирует разговор. Конечно, перестраховка, но специалистам виднее, где нужно перестраховаться. При необходимости позвонить на любую другую трубку, не имеющую системы кодирования, я эту систему просто должен отключить, иначе меня не поймут. Точно так же необходимо поступать при входящих звонках. Таким образом, не намереваясь слишком часто звонить в диверсионное управление ГРУ, я решил, что буду систему кодирования держать постоянно выключенной и включать ее только при контактах со своим командованием. Sim-карта при этом оставалась моя родная. Значит, не

возникало необходимости сообщать всем свой новый номер.

Брать с собой автомат я не стал. Мне его доставит группа поддержки, когда прибудет. Пока я могу обойтись и пистолетом. Тем более что стреляю из него на дистанции до сорока метров, практически, без промаха. Если дистанция больше, уже возможна некоторая неточность, тем не менее процент попадания у меня высокий. На грудь я повесил большой футляр бинокля с тепловизором. Зарядное устройство тепловизора находилось в самом футляре. И еще я предпочел повесить себе на голень под штанину «НРС-2»[14 - «НРС-2» – нож разведчика стреляющий. Оружие спецподразделений Российской армии. Ствол прячется в рукоятке.] в ножнах. Люблю это оружие за его тихую работу. Причем одинаково тихую что при выстреле, что при использовании вороненого лезвия, у которого блестит только самый краешек заточки. Затачиваю себе ножи я всегда сам и довожу их специальным бруском с мелким алмазным напылением. Пока это было все мое вооружение, не считая обычного для спецназа ГРУ, спрятанного. К спрятанному относится обычно жила от металлического троса, которая вплетается в боковой шов штанов, а при извлечении оттуда становится опасной удавкой, и два гвоздя в подошве берцев. Один гвоздь заточен под маленький нож, второй под отвертку. В подошве высверливаются два отверстия диаметром чуть меньше толщины гвоздя или даже такого же диаметра, но тогда чуть короче длины самого гвоздя. И туда, в эти отверстия, гвозди вбиваются. За день носки берцев пыль и грязь плотно садятся на шляпки, которые становятся невидимыми. В какой-то сложной ситуации это может сгодиться. Помимо своей заточки, те же гвозди могут играть роль рукояток для удавки. Но я обычно предпочитаю найти хоть какие-то куски дерева для рукояток. Просто две ветки с дерева отломить, и этого хватит. Или две щепки подобрать рядом с дорогой. Или оторвать от двери, или от оконной рамы. С рамы проще всего снять штапик. Это можно сделать даже пальцами, не пользуясь никаким инструментом.

Убрав пистолет в кобуру, я двинулся дальше, но уже не по дороге, а по опушке леса. Пограничники предупредили меня, что здесь, неподалеку от границы, лес не заминирован, как во многих других местах, и пройти здесь можно без опасения. Это сообщение пограничников вызвало в моей голове несколько дополнительных вопросов. Украинская сторона многократно заявляла, что из России через границу с ДНР и ЛНР мятежным республикам поставляется оружие. И требовала возвращения себе контроля над этим участком границы. Сюда, к дороге, казалось бы, должен лежать прямой путь всех диверсионно-разведывательных групп. Так, наверное, в действительности дело и обстоит. И именно потому лес вокруг дороги не минируется. Одна ДРГ сменяет другую. Если первая поставит минное поле, то вторая или третья группы могут на этих

минах подорваться. То есть отсутствие минирования на участке, в котором украинская сторона заинтересована, должно не успокаивать, а настораживать. И именно потому пошел я не по дороге, а по опушке леса. До машин оставалось недалеко, и потому я загодя, с дистанции, дважды щелкнул замками крышки моего бинокля с тепловизором. Эти замки мне не нравились тем, что они издавали щелкающий звук при открывании. И избавиться от этого самостоятельно, без помощи специалиста, я не сумел. Пришлось мириться и принимать превентивные меры, то есть открывать футляр заранее…

* * *

Голоса я услышал раньше, чем увидел за поворотом сами машины. А потом, когда приблизился точно так же по опушке леса, не покидая тень, и увидел. Их было, как и обещали, две. Четыре человека стояли рядом. Один из них смотрел в бинокль на дорогу впереди. Судя по очертаниям, бинокль был простой, даже без прибора ночного видения, не говоря уже о тепловизоре. Увидеть он позволял мало. Луна светила не всегда, поскольку тучи в небе плыли плотные и тяжелые, грозящие затяжным весенним снегопадом или даже дождем. Пока, слава Богу, не было ни того ни другого. Снегопад мне весьма даже некстати, поскольку мне еще переходить линию разграничения между армией повстанцев и украинской стороной, и следов при переходе лучше не оставлять. Против дождя я ничего не имел. Дождь в дорогу, гласит примета, это к окончательной удаче. Но эти тучи закрывали луну и сильно ограничивали видимость встречающим меня. Выдвинувшись ближе, я вытащил свой бинокль, чтобы лучше рассмотреть их. И только тогда обнаружил, что встречающих не четверо, а семеро, но двое лежат под передней машиной, выставив автоматные стволы в разные стороны от дороги, а один под второй машиной, и ствол его автомата смотрит в сторону леса передо мной. Я сначала не понял такой расклад сил. Если кто-то лежит под машинами, страхует, значит, есть опасность. Почему тогда другие не прячутся от опасности? Почему стоят открыто, если есть возможность спрятаться и залечь? Потом сообразил, что четверо тех, кто остался, просто под машиной не поместятся в силу своих солидных габаритов. Даже серьезный дорожный просвет «уазиков» не даст возможности этим людям залечь. И тогда… Тогда, значит, их не семеро, а больше, потому что и в машине наверняка есть люди, скрывшиеся за занавесками из обычных бронежилетов, как всегда делают в районе боевых действий в небронированных машинах. Но меня через пограничников предупреждали, что этот путь – самый безопасный. Впрочем, пограничники плохо знают обстановку по другую сторону границы. И если ополченцы говорят им, что здесь самый безопасный участок, это вовсе не дает

гарантии, что он безопасный. Просто он более безопасен, чем, по мнению ополченцев, другие участки.

Но у меня сработала старая добрая привычка: доверять и при этом проверять, то есть самому заботиться о собственной безопасности. И я, пользуясь благами науки, перевел бинокль с тепловизором на лес. И почти сразу эту опасность обнаружил. Четыре человека прятались в кустах, выставив автоматные стволы в сторону машин. Ждут в нервном ожидании. Чего ждут, почему не атакуют? Предполагают, что на дороге не четверо, а значительно больше? Скорее всего, дело обстояло именно так. Возможно, видели, что там людей больше, и сейчас не знали, где остальные. Иначе атака уже состоялась бы. Четверо против четверых – проблема могла решиться одним залпом. Распределить цели, чтобы очереди двух автоматов не были направлены в одного человека. И стрелять по команде. Что проще! Здесь успех был бы гарантирован. Дистанция в двадцать пять – тридцать метров для стрельбы идеальна. А луна время от времени все же выглядывает и светит достаточно ярко, чтобы прицелиться и не промахнуться. А вот если есть опасения, что ополченцев больше, и нет желания вступить в бой с другими, кто занял более удобную, скрытую позицию, то все становится на свои места, кроме понимания открытости четверых ополченцев на дороге. Этого я не понимал, но выяснить это мог бы уже вскоре, просто спросив этих людей, почему они не прячутся. Возможно, они не подозревают о присутствии этой четверки в засаде. Вернее, подозревают, но уверенности в существовании засады нет. В таком случае это просто недопустимая небрежность.

Мне небрежность допускать было никак нельзя. Заменить, конечно, можно любого. Но меня в моем случае, с моими связями в родном поселке, другой военный разведчик полноценно заменить не смог бы. Как не имел права просто и бездумно наблюдать, как будут расстреливать людей, что меня встречают. При этом я отдавал себе отчет, что любая моя попытка предупредить ополченцев о засаде может быть самими ополченцами воспринята неадекватно, меня могут не понять и начать стрелять в мою сторону, и одновременно бойцы в засаде сразу отреагируют по-своему, и тоже начнут стрелять. Конечно, я могу и спрятаться за какой-нибудь бугорок. Но ведь они, имея численное превосходство, могут и перебежать под прикрытием пары стволов, чтобы атаковать меня с другой позиции. И одновременно будут стрелять уже и в ополченцев с предельно удобной для расстрела дистанции. И потому я, размышляя о том, что увидел, стал скрытно приближаться, но не забыл, что лес есть и на другой стороне дороги. И внимательно обследовал его участок за участком. Но там никого обнаружить не сумел. Значит, засада неразумно засела только с одной стороны дороги. Это означало, что в случае промаха, если люди в засаде начнут

стрелять, а промахнуться в ночное время несложно, ополченцы на дороге смогут за машины спрятаться. Усложнила, короче говоря, засада себе задачу. Это от неопытности…

Однако то ли бойцы в засаде мои мысли уловили, хотя я их не выкрикивал на весь лес, то ли сами сообразили. Они обменялись знаками, из которых я сделал вывод, что обучали их американские инструкторы, поскольку американская система знаков слегка отличается от любой другой, и двое тут же скрытно начали смещаться в тыл машинам, чтобы подальше от них перейти дорогу. Для меня это действие прозвучало командой. Я не стал убирать бинокль в футляр, а просто перебросил футляр на ремне под мышку ближе к спине, чтобы не мешал, бинокль, снабженный отдельным ремнем, оставил висеть на шее, вытащил нож из ножен на голени, боковым рычагом на рукоятке взвел стреляющее устройство, а сам патрон уже давно был в стволе. Свой пистолет я даже готовить к бою не стал, удовлетворившись тем, что он частично подготовлен, то есть патрон уже в патроннике, пистолет на взводе, хотя и на предохранителе. Если будет необходимость к нему прибегнуть, моя поясная кобура так устроена, что рука, обхватывая рукоятку, уже саму кобуру расстегивает. И задержки с появлением в руке оружия быть не может.

Я уже приблизился в засаде на такое расстояние, что имел возможность стрелять из «НРС-2». Но тут мне в голову неожиданно пришла еще одна мысль. И очень, как мне показалось, важная, касающаяся меня напрямую. Кажется, я догадался, чего ждали диверсанты в засаде и почему не стреляли сразу. Они ждали меня. А это значило, что была утечка информации. Утечка могла произойти только по трем различным каналам – из ГРУ, из погранотряда и из штаба батальона ополчения, который взялся меня «вывести» на территорию, подконтрольную украинской власти. От такой мысли сразу произошел приток крови к голове. Это существенно осложняло бы мою работу, но в любом случае необходимо было выяснить, что укродиверсанты знают, если они что-то знают. Полная информация была только в ГРУ. В погранотряде информация была частичная, в батальоне ополчения тоже частичная, но уже в другой своей части. И то, что парни из засады знают, могло бы показать, где прошла утечка информации. Следовательно, мне необходимо было захватить живьем хотя бы пару человек. Можно, конечно, и одного, но один, как может оказаться, вообще ничего не знает, или знает слишком мало, или говорить не пожелает. Второй должен быть страховочным вариантом. При этом следует учитывать, что американские инструкторы готовят диверсионно-разведывательные группы из числа бойцов национальной гвардии. А это, как правило, откровенно туповатые, упрямые и упертые «отморозки», идейные украинские фашисты, и с ними не

всегда можно найти общий язык. Даже умирая, они будут думать, что умирают за свою идею, и не понимают, что идея их выдумана и выстрадана за океаном. Это тем более говорило о том, что брать следовало двоих. То есть лучше было бы исключить применение огнестрельного оружия. А это задачу осложняет многократно. Но я по опыту знал, что, чем сложнее задача, тем она лучше решается. Тогда сам мобилизуешься и все делаешь четко и правильно.

Я остановился, замер, прислушался, после чего поднял бинокль к глазам и попытался отыскать вторую пару укродиверсантов, что двигалась в обход машин на другую сторону дороги. Но их уже даже тепловизор не показывал. Возможно, стволы деревьев мешали, возможно, они проходили какую-то ложбинку или низменность, и потому скрылись от глаза тепловизора. Удастся ли подобраться ко второй паре незаметно и бесшумно, я не знал. Мне бы лично это удалось. Но кто знает, как поведут себя ополченцы и не спугнут ли они противника. И потому я стал соображать, как мне захватить в плен двоих на этой стороне. Тем более один из них был командиром группы, как я понял из того, что он отдавал приказания жестами. Его послушались сразу. Значит, авторитет у командира есть. А это уже само по себе говорило, что он может знать больше других. С другой стороны, это же предполагало, что он может оказаться самым упертым и вообще откажется разговаривать. То, что командир может отличаться от других своей боевой и физической подготовкой, меня, скажу честно, не особенно волновало. Я был уверен в себе. И не потому, что я умею драться, а мой предполагаемый противник априори дерется хуже меня. Он, возможно, тоже умеет драться, как я предполагаю. Но ни одна боевая система не учит так, как учит система спецназа ГРУ. А заключается она в скрытном приближении и неожиданном нападении. Это, как правило, дает шестьдесят процентов победы, если не все сто. И я перед тем, как продолжить сближение, присел и перевесил из-под штанины поверх штанины специальный резиновый подвес, созданный для ношения на ноге. На подвесе крепился весь комплект принадлежностей ножа, включая подсумок с четырьмя запасными патронами. Правда, в кармане куртки у меня была еще и коробка с такими же патронами «МП-4», дающими эффект бесшумности, а в рюкзаке лежало еще две коробки. И при необходимости я всегда мог добавить в подсумок запасной патрон. Вообще-то, говоря по правде, этот нож мне нравился тем, что он покрыт черным никелем, который не стирается так, как чернота на оксидированных клинках, и не блестит под луной. Блеск режущей кромки настолько незначителен, что его можно даже во внимание не брать. Перевесив нож на ноге поверх штанины, я готов был использовать его при необходимости и собственно как нож, и как пистолет, точно так же, как свой штатный пистолет. И после этого сначала присел, а через пять метров и попросту залег, и пополз, неторопливо. Как обычно, сам к себе

прислушивался, не буду ли я издавать каких-то выдающих меня звуков. Нет, все было нормально. Я полз и одновременно присматривался, выбирая такой угол атаки, который скроет меня и моего противника от второго укродиверсанта. Благо березовый лес был в изобилии усеян зарослями молодняка. А молодняк тем и хорош, что растет густо и одновременно бывает гибок даже весной, когда листьев на березе еще нет. Я выбрал как преграду для взгляда со стороны небольшие, но достаточно высокие заросли молодого березняка и полз, выходя на нужный угол атаки.

Расстояние до противника я сокращал быстро. И когда до затылка укродиверсанта осталось не больше двух с половиной метров, я подобрал под себя левую, толчковую, ногу, подготовился и совершил скачок, завершившийся предельно резким ударом основанием ладони в затылок. Причем бить я старался так, чтобы не попасть в основание черепа, потому что таким ударом основание черепа легко сломать, при одновременном переломе шейной области позвоночника и разрыве спинного мозга. А мне не нужен был труп. Мне нужен был живой, но бездвижный противник.

Неожиданное получение такого удара усиливает его действенность в два с половиной – три раза. Укродиверсант оставил автомат в развилке березы, где он у него и лежал, а сам свалился набок. Рассечение кожи не лбу говорило о том, что он еще и лбом о ствол дерева ударился, и именно потому, после рикошета головы, набок завалился, иначе упал бы – обязан был просто упасть – лицом вниз.

Я посмотрел на автомат и понял, что за противники передо мной. Даже молодой солдат в спецназе ГРУ знает, что нельзя устанавливать автомат в развилку дерева. Опора, конечно, хорошая, но каждая очередь, несмотря на украшающий ствол пламегаситель, выдает место, откуда она произведена. И противник будет в это место стрелять. А с автоматом, застрявшим в развилке дерева, не совершишь быстрый спасительный перекат. Разве что вместе с самой березой, но это проблематично даже для чрезвычайно сильного физически человека.

Но мне не стоило терять время. Оставался еще один противник, которого убивать было нежелательно. Я быстро вытащил из брюк первого поясной ремень и связал ему за спиной руки, притянув их к согнутым в коленях ногам. Так он не сможет встать. На всякий случай засунул поглубже в кусты его автомат, а самому ему еще кулаком в челюсть добавил. Чтобы спал дольше и дышал глубже. Так ему легче будет в сознание приходить. Не так сильно будет

страдать от головной боли. А боль будет. Она обязательно бывает при сотрясении мозга. У меня не было уверенности, что в его, словно плоскостью кирпича приплюснутом черепе мозгов много. Но и малое их количество можно сотрясти, причем даже так, что единственная извилина там выпрямится. Это проверено многими аналогичными ударами.

При всем при этом я не терял бдительности. И правильно делал, потому что сразу после завершения связывания первого пленника я услышал хруст ветки на земле. Так она обычно под чьей-то неосторожной ногой хрустит, специально под подошву неумехе-воину забираясь. Второй укродиверсант, не слишком стесняясь своего высоченного роста, шел в нашу сторону. Умничка! Бегать за ним не придется. Только вот бить такого сложно. Подпрыгивать, похоже, надо, чтобы до мелкой птичьей головы достать. Или ногами на широченные плечи запрыгнуть и бить сверху.

Я резко, но при этом плавно и беззвучно переместился в сторону и на четвереньках, по собачьи, перебежал за куст. Потом и вокруг куста стал перемещаться. Таким образом, когда длинный укродиверсант в недоумении остановился, чтобы рассмотреть своего товарища и командира, я оказался за его спиной и приставил под левую лопатку два вытянутых пальца, поскольку вытаскивать пистолет просто поленился.

– Тихо, урод! Одно резкое движение, и пристрелю. Понял?

– Понял… – прохрипел он в ответ, хотя я удавку на его шею еще не набрасывал, но таким голосом обычно говорят те, у кого удавка уже затягивается.

– Наклонись к своему командиру и легонько его по щеке потрепи, чтобы в себя пришел. Автомат, кстати, под ноги брось и наступи на него. Он тебе уже не нужен.

Просьба была простейшая и не должна была вызвать подозрений. Я же намеревался его, наклонившегося, просто тяжелым башмаком за челюсть слегка задеть, чтобы положить рядом с первым и связать.

Он бросил, как уронил, автомат и стал наклоняться. Медленно, словно бы с опаской. Естественно, мой «пистолет» перестал упираться ему под лопатку. Просто рука у меня не настолько длинная, чтобы дотянуться. Но тут высокий

укродиверсант решил «фортель» выкинуть, начал резко распрямляться, одновременно отмахиваясь вытянутой рукой. Дурак! Чему тебя эти американцы только учили. Руку в этом случае надо разгибать одновременно с вращением тела, а не до того. Да и тело надо не поворачивать, а именно резко вращать. Тогда может получиться хороший удар предплечьем. Высокий был человеком худощавым, почти изможденным, и я почему-то ожидал от него большей резкости движений. Но он на резкие движения был не способен – широкие плечи мешали. Уже выпрямленную его руку я, поскольку мои собственные руки не были заняты никаким оружием, правой рукой захватил за рукав на запястье, а левую ладонь упер ему в локоть, и, продолжая поворачиваться, укродиверсант только себе руку ломал. Глупый, рука ему еще могла сгодиться! Впрочем, он тоже скорее всего именно так подумал, потому что каким-то неимоверным движением остановил вращение тела и стал под давлением моих рук, чтобы избежать боли, наклоняться. И таким образом птичью свою голову почти до земли опустил. Это было как раз то, что я желал увидеть изначально. Нога ударила резко. Армейские берцы имеют усиленный носок, и при ударе можно не бояться повредить пальцы ног. Подошва со щелчком ударила в самый кончик челюсти, чуть вскользь. Высокий опустился на свою голову и уже не боялся даже руку при падении сломать. Я его руку пожалел и отпустил…

Глава третья

Испытания взрывчатого вещества, разработанного по проекту капитана Абу Саида Хайята, проводились недалеко от границы с Ираком. Прямо на песчаном бархане, что высился в семистах метрах от старой дороги, ведущей к границе, поставили несколько столов и кресел за ними. Члены комиссии, за исключением одного полковника, были все в генеральских мундирах, и все были не знакомы с молодым химиком. Лишь два человека, которые держались чрезвычайно важно, носили традиционные саудовские одежды. Только перед самым началом испытаний приехали начальник лаборатории и полковник из королевской семьи, тоже в этот раз одетый в национальную одежду. Судя по тому, как к нему относились генералы, этот полковник был весьма важной персоной, на что просто не мог не обратить внимания Абу Саид.

– Капитан Хайят, – вежливо сказал полковник из королевской семьи, – в двух словах объясни членам государственной комиссии, что за взрывчатое вещество ты разработал и как оно действует.

Полковник показал рукой место, на которое должен был встать для объяснения капитан. Прямо против среднего стола. Абу Саид вышел вперед и встал так, чтобы стоять лицом и к полковнику, и к большинству членов комиссии.

– Мы взяли за основу нашего состава такое известное и широко применяемое вещество, как нитрометан. Он известен в применении растворителя виниловых полимеров, некоторых красок, эфироцеллюлозных лаков, и также в качестве добавок к топливу для калильных двигателей внутреннего сгорания, которые используют в основном в радиоуправляемых моделях и вообще в качестве топлива для некоторых гоночных болидов повышенной мощности. В частности, подавляющее большинство широко распространенных сейчас беспилотных летательных аппаратов использует в качестве топлива нитрометан. И потому добывание сырья не привлекает внимания. Используется нитрометан и в качестве сырья для изготовления некоторых видов взрывчатых веществ, причем более мощных, чем всем известный пластит. Там эффект достигается просто. За счет замещения нитрогруппами других атомов водорода нитрометан образует динитрометан, тринитрометан и тетраниторометан. И все эти соединения крайне взрывоопасны…

– Капитан, мы здесь не химики, а простые военные люди, – перебил Хайята полковник из королевской семьи, – и нам ваши объяснения не совсем понятны. Давайте как-нибудь проще…

Абу Саид согласно кивнул, на несколько секунд сосредоточился и продолжил:

– Задача, которую ставила перед собой возглавляемая мной проектная группа, была проста. Мы исходили из того, что при изготовлении стандартных и хорошо зарекомендовавших себя самодельных взрывных устройств помимо собственно взрывчатого вещества и детонатора возникает необходимость снабжать устройство поражающими элементами различного происхождения – гайками, болтами, гвоздями и прочими аналогами. При этом значительная часть поражающих элементов разлеталась впустую, не причиняя противнику никакого вреда. То, что взлетало вверх, при падении уже не могло нанести человеку серьезное ранение или увечье, разве что шишку на голове поставит или нос оцарапает. Да и само изготовление такого устройства длительно и сложно для людей, не имеющих профессиональных навыков. Мы решили попробовать сделать так, чтобы само взрывчатое вещество стало своего рода поражающим элементом и при этом сохраняло силу взрыва стандартного фугаса. И нам

удалось добиться желаемого. Мы создали жидкий маслоподобный состав, композицию, которая за счет своих добавок при горении создает высокую температуру и способна гореть при отсутствии кислорода воздуха, то есть сама выделяет при сгорании кислород, который горение и подпитывает. Говоря иными словами, потушить горящие брызги нашего взрывчатого вещества традиционными способами пожаротушения невозможно. А сами эти брызги становятся теми самыми заменителями поражающих элементов. Попадая на тело человека, капля способна не только прожечь одежду и нанести тяжелый ожог телу. Капля за минуту-полторы прожигает металлический бронежилет. Этого удалось добиться за счет добавления составов на основе жидкого магния и некоторых связующих на основе ректифицированной нефти тяжелых фракций. Кроме того, есть у нашего взрывчатого вещества еще одно свойство, которое для нас самих пока еще остается загадкой. Но мы постараемся эту загадку разрешить в ближайшее время теоретическим путем. Отдельные капли, заменяющие осколки, имеют способность самостоятельно дополнительно взрываться. Прямо на том месте, где они прилипнут. Прилипнут к голове противника, и у него на голове взорвутся. Это дополнительное обстоятельство вторичного взрыва хотя и не имеет пока научного обоснования, тем не менее носит черты поражающей силы, и мы только довольны таким побочным эффектом. Что касается теоретического обоснования, то мы это сейчас решаем. И только после решения данного вопроса можно будет говорить о «доводке» нашего взрывчатого вещества до состояния, когда каждая жидкая горящая капля будет нести в себе дополнительный взрыв. Пока же мировая наука не знает аналогов.

– Но транспортировка жидкости более проблематична, чем транспортировка твердых взрывчатых веществ, – сказал, как возразил, один из генералов, презрительно оттопыривая увесистую, почти верблюжью нижнюю губу. Чем недоволен генерал, было непонятно, но он явно был недоволен. Не иначе, подумалось Абу Саиду, семья этого генерала завязана на производстве стандартных взрывчатых веществ.

– Да, – согласился Абу Саид, ничуть не смутившись, поскольку готов был ответить на все возможные возражения. – Против этого ничего сказать нельзя. Определенные неудобства существуют, и к ним следует привыкать людям, которые будут осуществлять взрывы нашим взрывчатым веществом. Хотя я лично не вижу причины для транспортировки композиции исключительно в стеклянной посуде. Можно использовать и металлическую, которую изготовить несложно. Сложно только подобрать материал, с которым состав не будет вступать в реакцию. Это возможно рассматривать как неудобство только на

первое время. В дальнейшем проблема разрешится, когда наладится производство емкостей. И даже, более того, при каких-то определенных условиях сами емкости могут быть использованы в качестве оболочки взрывного устройства. Так, мы проводили опыт с обыкновенной ручной гранатой оборонительного действия, у которой корпус при взрыве должен разламываться по граням на отдельные осколки. И осколки при начинении гранаты нашим композитом имели вдвое больший разлет, чем у стандартных гранат. Но тем не менее неудобства мы признаем, однако считаем, что они с лихвой окупаются возможностью создания самого вещества в условиях простейшей домашней лаборатории с минимумом профессионального лабораторного оборудования. Кроме того, генерал-эфенди, жидкая форма дает и расширение возможностей применения, которые недоступны при использовании стандартных составов.

– Какие такие расширения? Говорите конкретнее! – потребовал генерал.

– Например, чтобы уложить на дороге обычный фугас, необходимо сделать подкоп под полотно дороги, что и трудоемко, и занимает много времени, и заметно для опытного глаза, а иногда просто невозможно. Например, когда дорога проложена в скальном грунте. Жидкая же форма сама ищет слабые места, в которых она может храниться – трещины в фундаменте здания, выбоины, любые отверстия, в том числе и искусственного происхождения, поры среды, в которую состав заливается, и прочее. Причем жидкая форма имеет достаточную густоту, чтобы не растекаться слишком широко, что ослабило бы концентрированную силу взрыва. За двенадцать часов на свежем воздухе созданное нами взрывчатое вещество приобретает физические свойства, схожие со слегка подогретым битумом. Вроде бы не совсем твердое, но уже и почти не текущее. А взрывные свойства сохраняет в течение десяти дней. Через десять дней наш состав, если его не упаковывать герметически, вступает в реакции с кислородом воздуха и разлагается. Значит, не требуется последующее разминирование. Но мы не намеревались растягивать сегодняшние испытания на десять дней и заминировали дорогу только два дня назад.

– Без подкопа? – спросил генерал с верблюжьей губой.

– Мы использовали обыкновенную аккумуляторную дрель, которую может взять с собой в маршрут каждая диверсионно-разведывательная группа – это не большая тяжесть. Использовали сверло диаметром в двенадцать миллиметров, чтобы в асфальте просверлить сто сорок отверстий. Потом в эти отверстия залили взрывчатое вещество. На всю подготовку у нас ушло двадцать четыре с

половиной минуты. Взрыватель мы еще не устанавливали. Но это дело нескольких десятков секунд. Амин, покажи эфенди взрыватель.

Подошел Амин эль-Габари, до того скромно стоящий в стороне, и показал продолговатую фанерку, утыканную несколькими гвоздями. Верхняя сторона фанерки и боковые грани были покрашены под цвет асфальта. На гвозди с внутренней стороны были надеты взрыватели, внешне напоминающие короткие пистолетные гильзы.

– Гвозди набиты так, что они как раз войдут в отверстия, высверленные в асфальте. Веса человека не хватит, чтобы взрыватель активировался. Человек может на нашей доске с десяток раз подпрыгнуть. Это безопасно. Для взрыва потребуется вес грузового автомобиля. Впрочем, специально для нас разработаны и изготовлены опытные партии взрывателей, которые сработают и под легковым автомобилем, и под ногой человека. Но в данном случае мы используем те, что требуются для грузовика с его массой. Взрыватели – это единственная вещь, которая требует фабричного изготовления. Что обеспечивает нашему королевству возможность поставок в любые регионы мира, где состав будет использоваться. Для производства детонации нашему взрывчатому веществу требуется температура не ниже двух тысяч двухсот градусов. На достаточно короткое мгновение, на одну сотую секунды, но нужна такая высокая температура. Я понимаю, что это недостаток, Но не бывает ничего нового без недостатков. Это все окупается эффектом.

– А что за эффект может быть? – не понял генерал с верблюжьей губой и продолжал искать возражения. – Ну, взорвется несколько взрывателей, будет взрыв в нескольких отверстиях. Что это даст? Эффект пистолетного выстрела в колесо? Сменят колесо, и поедут дальше…

Абу Саид понимал свое место, и потому проявлял терпение и выслушивал претензии до конца, не перебивая.

– Согласно нашим исследованиям, генерал-эфенди, взрывчатое вещество, проникая под полотно асфальта, растекается широкой лужей как раз под высверленными отверстиями. Не в землю стремится, не среди щебня распространяется, который под верхним асфальтовым покрытием насыпан, а ползет, как по потолку, в разные стороны по самому асфальту. Этого удалось добиться за счет применения эфирных масел, которые используют поры асфальта для распространения по нему. Попадая в высверленное отверстие,

композит не только в самом отверстии задерживается, но и очень быстро пропитывает эфирным маслом сам асфальт. А потом, оказавшись под полотном, сохраняет тот же эффект и расползается по нижней стороне поверхности. И взрыв будет по всей площади сверления. Мы проводили предварительные испытания. Эффект был именно таким. Только мы на своих внутренних испытаниях силу взрывчатки брали не такую значительную, и взрыватели использовали дистанционного, а не нажимного действия. Впрочем, что я объясняю. Сами все увидите.

– Капитан Хайят, выставляй взрыватель, – распорядился полковник из королевской семьи, уже, кажется, уставший от возражений генерала с верблюжьей губой, и вытащил трубку, чтобы набрать номер. – Я разрешаю машине выезд. Скоро она будет здесь.

– Простите, полковник-эфенди, а что за люди будут в машине?

– Это отряд иракских курдов, который отправляется в Сирию воевать на стороне, судя по всему, Асада. Хотя это мало должно тебя касаться.

– Это меня совершенно не касается, полковник-эфенди, – согласился Абу Саид с поклоном и дал знак Амину эль-Габари, который бегом направился к месту установки взрывателей.

– Это не должно было бы тебя касаться, даже если бы король приказал посадить в машину твоих отца с матерью и всех братьев и сестер.

Полковник так показывал дистанцию между собой и капитаном. Хайят снова с поклоном приложил руки к груди, надеясь все же, что в машине нет его родных. Его родные не могут назвать себя курдами. Они гордятся тем, что они саудовцы.

Сама установка взрывателей заняла, как и обещал капитан, двадцать с небольшим секунд. После этого Амин бегом устремился назад. Лейтенант был сухим и подвижным человеком, и долго ждать его не пришлось.

– Ждем грузовик, полковник-эфенди… – просто сказал капитан Хайят в ответ на вопросительный взгляд полковника из королевской семьи.

Все ждали молча, приготовив бинокли, чтобы рассмотреть испытания как можно лучше. Охраняла комиссию рота солдат, судя по нашивкам, бригады номер один специального назначения имени Фейсала бин-Турки. Один из генералов жестом подозвал к себе офицера охраны, сказал ему несколько слов, и офицер помчался в обратную сторону бегом. Абу Саид с вершины своего бархана видел, как этот офицер отдал какую-то команду, и два взвода отделились от общего строя и стали бегом выдвигаться в сторону дороги. Один взвод вообще дорогу перешел и углубился в барханы, легко утаптывая плотный, слежалый песочный наст. Определить, что оба взвода приближаются к месту испытания, было несложно. Наконец они заняли позицию. Стало понятно, что курды на грузовике просто отданы на заклание испытателям. А тех, кто выживет после взрыва, просто расстреляют. Саудовская королевская армия не желала усиления армии президента Сирии. Правда, у Абу Саида было опасение, что спецназовцы залегли излишне близко к дороге. Но по большому счету капитана Хайята это мало касалось. Он понимал, что курды, вставшие на сторону Асада, враги его страны. Значит, подлежат уничтожению. Как и каким образом – расстреляли бы машину из пулеметов или танков, или просто минометами накрыли, или взорвали на дороге – разницы капитан не видел никакой, и потому угрызений совести не испытывал. Он ведь тоже был офицером королевской армии, значит, врагом правительства Сирии. А что касается спецназовцев бригады номер один, то им предстоит вести бой на уничтожение курдов. Бой – это всегда обоюдоопасное действие. Если кто-то из них погибнет от взрыва на дороге, это только подчеркнет силу взрывчатого вещества. Спецназовцы выбрали себе позицию, исходя из знания обычных взрывных устройств. И их гибель только покажет разницу между старым и новым. Значит, и предупреждать кого-то не следует.

У самого Абу Саида не было бинокля. Бинокли носят и пользуются ими боевые командиры, а он таковым не был. Или генералы, которые по возрасту давно уже перешагнули грань боевых командиров, но имели некоторые привилегии, в том числе и на право пользоваться биноклем. И потому капитан смотрел невооруженным глазом. И не слушал, естественно, досужие и отвлеченные разговоры генералов за столами, а искал в воздухе долетевшие издалека звуки работающего двигателя. Но пески пустыни умеют хорошо гасить звуки. И потому звук пришел лишь после того, как где-то вдали на дороге уже мелькнула перед далеким поворотом сама машина. А когда пришел звук двигателя, то даже генералы встали сами из-за своих столов и подняли к глазам бинокли. Ждали все. Ожидание тянулось, казалось, непростительно долго, хотя все понимали, что в пустыне дорога никогда не идет прямо, но виляет, объезжая тяжелые неподвижные барханы. Смотрели все почему-то не на хорошо различимое место, где была заложена взрывчатка, а вдаль, на приближающийся грузовик. Но

любое ожидание имеет конец. Окончилось и это.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Люк механика-водителя в БМП-3 откидывается назад, чтобы давать возможность визуального обзора взамен устроенных на люке четырех перископов, тогда как люк командира и башенный люк оператора-наводчика, точно так же, как люки пары десантников, сидящих по бокам механика-водителя, и управляющих курсовыми пулеметами, откидываются вперед и фиксируются в стоячем положении – дополнительная защита от пуль. Десантное отделение имеет задние сдвоенные распашные дверцы и верхние люки, также открывающиеся вперед.

2

Параарамидная ткань – кевлар.

3

Гипс «на вертолет» – жаргонное выражение, распространенное среди травмированных, когда гипс накладывается на плечо по спине от противоположного плеча, а загипсованная рука выставляется вперед перед грудью. Как правило, такой способ гипсования применяется при переломах плечевого сустава.

4

ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа. Если спецназ ГРУ считается элитой среди других подразделений спецназа, то ОМОГ считается элитой в самом спецназе.

5

Государственной религией Королевства Саудовская Аравия является салафизм (ваххабизм).

6

Муэдзин, азанчи – служитель мечети, призывающий верующих на молитву.

7

Главная спецслужба Королевства Саудовская Аравия.

8

Малик – в странах Востока царский и королевский титул. В отличие от титулов эмир или султан, имеет прямой перевод, как «король» или «царь».

9

Эфенди – господин. Форма обращения, титул и даже, в какое-то время, воинское звание в некоторых странах Востока.

10

Композиция (состав) «С-4» – пластит, мощное боевое взрывчатое вещество.

11

Бригада имени бин-Турки – спецслужба Саудовской Аравии, бригада номер один специального назначения имени Фейсала бин-Турки, считается элитным спецподразделением королевства.

12

«Маршрутники» – низшая категория разведчиков, обеспечивающая агента жизненно важной мелкой информацией, например, о стоимости автобусного билета от одного населенного пункта до другого и стоимости того же проезда с «частником», валюте, которой лучше всего расплачиваться, и информацией о

том, какая валюта не вызывает подозрения.

13

«СПС» – самозарядный пистолет Сердюкова.

14

«НРС-2» – нож разведчика стреляющий. Оружие спецподразделений Российской армии. Ствол прячется в рукоятке.

Купить: https://tellnovel.com/samarov_sergey/bikfordov-chas

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити